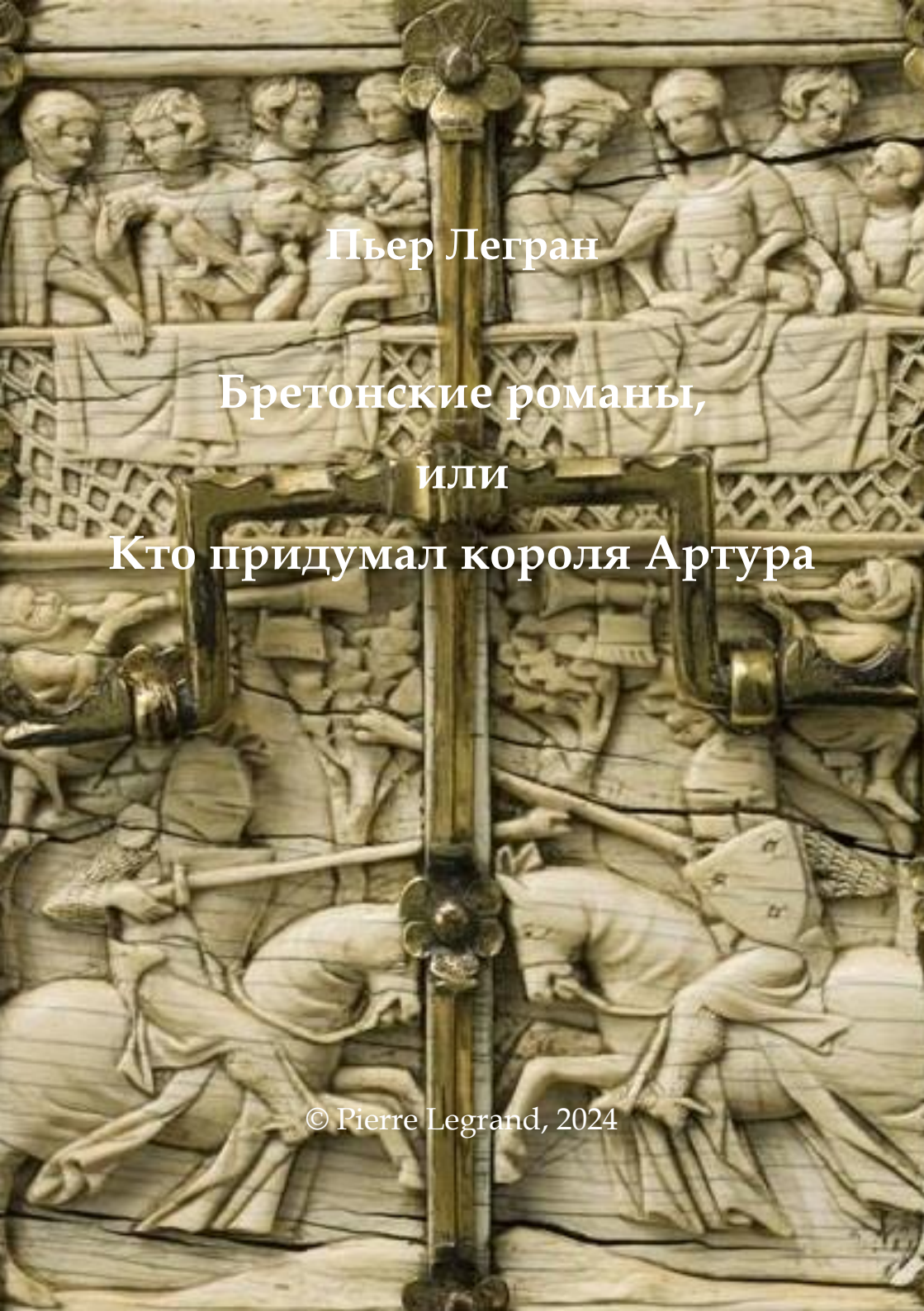

Пьер Легран

Бретонские романы,
или

Кто придумал короля Артура

© Pierre Legrand, 2024

Пьер Легран

Бретонские романы,

ИЛИ

Кто придумал короля Артура

Историко-филологический очерк

[Site de Pierre Legrand](#)

MMXXIV

Pierre Legrand

Romans bretons,
ou
Qui inventa le roi Arthur

Étude historique et philologique

[Site de Pierre Legrand](#)

MMXXIV

Оглавление

Предисловие.....	4
Песнь отчаяния скорбной эпохи.....	6
Феномен французской литературы XI – XIII вв.	12
Рыцарский куртуазный роман.....	20
Вторая жизнь короля Артура.....	32
Персеваль, Ланселот и другие куртуазные рыцари Круглого стола	42
Вперед, за Граалем!.....	52
Прозаический финал бретонской эпопеи.....	58
<i>Библиография.....</i>	<i>64</i>

Предисловие

Часто представление публики о каком-либо предмете разительно отличается от его истинного состояния. Легенда о «короле Артуре» в ходе длительного процесса мутаций в английских эпитомах¹, переделках и голливудских пеплумах², превратилась из антианглийского эпоса о героической неравной борьбе кельтов-бриттов с англосаксонскими варварами, сочиненного кельтскими бардами в утешение современникам, в один из символов англо-американской культуры! Баснословный король Артур из бретонского национального героя, Понтиака³ и Тибаттона⁴ Британии, мутировал в некий псевдокультутрный «мем», о происхождении которого люди ничего не знают, кроме того, что он «английский». И это невзирая на факт, что английской литературы в период создания этого памятника вовсе не существовало, а артуровский цикл пришел в английскую культуру, отстающую от французской на три столетия, лишь в XV в.

А был ли мальчик (Артур в бриттском эпосе)? Что нам известно о содержании собственно кельтских легенд? Как в эпос, созданный родовым обществом, попали рыцари, замки и прекрасные дамы? Как кельтская мифопоэтическая традиция интегрировалась в средневековую культуру и стала «бретонским циклом» рыцарских романов? Когда и как там оказались персонажи и символы, которые и ныне на слуху?

¹ Epitome — краткий пересказ старинных текстов.

² Масштабная постановка на (псевдо)историческую, мифологическую или библийскую темы. от. *perlum* (из греч.) – роскошное платье, мантия, наряд. от одеяния Афины, выставляемого в праздник Панафины.

³ Вождь алгонкинов, возглавлявший борьбу против англичан в 1763-65 гг.

⁴ Предводитель галлов Арморики (будущей Бретани), восстававших против римлян в 435 и 447 гг.

Поиск ответов потребует экскурса в историю Британии, милолетного обзора великолепной французской литературы XI—XIII вв. (достойной куда большего внимания) и знакомства с французским рыцарским романом, породившим и развившим «Артурianу».

Очерк написан в синтезе двух традиций: литературной и исторической, прослеживается связь литературных явлений с историческими событиями.

Примечание по чтению: в случаях, где «устоявшееся» написание имен бесконечно далеко от оригинала⁵, они даются в национальных формах — то есть пишутся так⁶, как звучали в то время или ныне (если старое звучание не определено) на родном языке. Привычное написание в данных случаях приведено в скобках (первый раз), кроме очевидных (Альенора — Алиенора). Номы и топонимы «артуровского мира» даны в филологической традиции, а не в «популярной», с которой могут расходиться.

На обложке: фрагмент *magnifique* шкатулки из слоновой кости *Assaut du château d'amour*, около 1310 г. (Musée de Cluny, N° Inventaire : Cl. 23840), украшенной сценами из куртуазных романов. В списке «Роман о розе», «Тристан и Изольда», романы Кретьена де Труа «Персеваль», «Ланселот», «Ивен», «Клижес» (аллюзия в представленном фрагменте).

⁵ Например, Иоанн (Безземельный). На французском языке уже тогда он звался Жаном, на англо-нормандском (т. е. нормандском диалекте французского), на котором он говорил, имя звучало как Джан, что через 150 лет дало английское «Джон». Аффриката *дж*, к XII в. исчезнувшая из французского языка, сохранилась в его нормандском диалекте, перейдя отсюда в формирующийся английский.

⁶ Насколько это возможно инструментами русского языка.

Песнь отчаяния скорбной эпохи

Прежде чем приступить к изложению сути бретонской традиции, следует понять среду, в которой она родилась.

С IV в. *Orbis romanus*⁷ подвергается нашествию варваров. Огромная империя, раздираемая внутренними противоречиями, неспособна справиться с опасностью. В надежде спасти Италию от вторжений, Равенна⁸ в 407 г. отзывает часть мобильных⁹ легионов из Галлии, все — из Британии. Тут же многочисленные орды варваров — вандалов, свевов, аланов — переходят рейнскую границу, отбрасывают номинально защищающих ее федератов-франков, проливается вглубь страны, сея повсюду смерть и разрушение.

Но если в Галлии возмущенные галло-римляне вместе с оставшимися легионами берут дело защиты в свои руки, провозглашая императором Константина (407—411 гг.), который очищает страну от врагов¹⁰, то Британию, наоборот, к 410 г. покидают немногочисленные римские граждане, оставляя бриттов в одиночку сдерживать пиктов, вытесняемых скоттами из Каледонии (будущей Шотландии).

Вскоре появляется куда более страшная опасность: в середине столетия на остров стали прибывать англыв, саксы, юты из по-

⁷ Римский мир, римская держава.

⁸ С 402 г. резиденция западных римских императоров находилась в этом сильно укрепленном городе. Рим, полный недовольных рабов, уже не казался надежным убежищем.

⁹ В поздней империи войска делились на мобильные (*comitatenses*) — высокой боеспособности, и приграничные *limitanei*, состоящие из солдат-земледельцев, живших с семьями в прилагерных поселках-канабах.

¹⁰ История древнего Рима. Под ред. В. Кузицина. М., 1982. с. 323.

роды германских дикарей¹¹, о которых еще Цезарь писал, что они настолько ксенофобны, что не терпят никого рядом с собой на многие мили вокруг¹². Полтора столетия, до VII в., захватывали они территорию острова в границах современной Англии, истребляя стоящих у них на пути автохтонов. Бритты сопротивлялись с отчаянием обреченных. Тогда и возникла среди них легенда о доблестном Артуре, герое, спасителе народа. Очевидно он имел прототипы, реальных вождей кельтских племен, так и не спасших свой народ.

Бритты смогли удержаться лишь в изрезанном лесистыми горами Уэльсе¹³ и агрикультурно скудных меловых холмах Корнуолла. Страна обратилась в прах, варвары стерли все следы римской культуры. Исчезло христианство, церковь сохранилась на островах лишь в Ибернии (Ирландии)¹⁴. Города и виллы лежали в руинах, хваленые римские дороги заросли травой. Не осталось места бриттам. «Чем более опустошает иное племя соседние земли и чем обширнее пустыни, ее окружающие, тем больше для него славы. Истинная доблесть в глазах германцев в том и состоит, чтобы соседи, изгнанные из своих земель, уходили дальше и чтобы никто не осмеливался селиться поблизости от них»¹⁵.

Почему именно с бриттами случилась такая трагедия? Нигде в других частях империи, раздираемой варварами, подобного не произошло.

Здесь, роковым образом, сошлось сразу несколько факторов, неприущих вторжениям в прочие части империи. В материковых

¹¹ Semiferi (лат.) — полужвери, полуживотные.

¹² Юлий Цезарь. Записки о галльской войне. Книга IV, 3.

¹³ Варварам не суждено было захватить Уэльс; к Англии его присоединят уже новые завоеватели острова — франкоговорящие нормандцы, в 1282 г.

¹⁴ Но оставалась сепаратной, не связанной с римским понтификом.

¹⁵ Юлий Цезарь. *op. cit.* Книга VI, 23.

провинциях коренное население многократно превышало численность пришельцев. Например, в Галлии варвары не превышали 10–15%¹⁶ населения. Они бы физически не смогли истребить или прогнать автохтонные народы. Наоборот, они имели шансы избавиться от пришельцев, ибо варвары располагались в римских провинциях с их молчаливого согласия, с их помощью. Вот как объясняет это странное, на первый взгляд, обстоятельство, клирик Сальвиан из Марселя: «В наше время, — негодует он в трактате «Об управлении божием» (*De gubernatione Dei*)¹⁷ — единственное желание римлян состоит в том, чтобы не пришлось опять когда-нибудь подпасть под римские законы. Единственная и всеобщая мечта римского простолюдина — жить с варварами. И мы еще удивляемся, что не можем победить готов, когда сами римляне предпочитают быть с ними». «Они ищут у варваров римского человеколюбия, так как не могут вынести варварской бесчеловечности римлян»¹⁸.

Наконец, культурный уровень населения большинства провинций римской империи, например, Галлии, был намного выше его у германцев, не имевших ни письменности, ни развитой агрикультуры, ни закона. Поэтому варвары охотно перенимали галло-римские обычаи, язык, христианскую религию; создавали своды законов, по примеру римских — широко известные лексы¹⁹ (*lex, leges*). Это был процесс ассимиляции — за пару столетий галло-римляне растворили пришельцев в своей среде.

¹⁶ См. История Франции. *Под ред. А. Манфреда*. Т. I. М., 1972. с. 40.

¹⁷ В ранних списках *De providentia et iustitia Dei* («О провидении и справедливости божьей»).

¹⁸ Salv. *De gubernatione Dei*. L. V. 5.

¹⁹ Т. н. «правды». Фактически они не имели ничего общего с римским правом, являясь записями обычного права (неписаного закона, основанного на обычаях, отсюда и термин), но важен сам факт принятия латинской письменности и постулата о писаном законе, что свидетельствует об определенном культурном росте.

При дворе Карла Великого говорили на римском (романском) языке, как тогда называли выросший из латыны старофранцузский язык.

В Британии, напротив, автохтонное население численно не превышало захватчиков, его культурный уровень стоял незначительно выше варварского, оно уже освободилось от римского ярма и не могло рассматривать пришельцев как союзников в борьбе с угнетением.

Следует упомянуть еще один момент. Империю разрывали варвары, в основном, уже затронутые цивилизацией: они десятилетиями жили на римских территориях в роли федератов, их вожаки служили в римской армии, как тот же Аларих, их действия коррелировали с целями определенных враждующих группировок Рима, его населения²⁰; многие из них принимали арианскую форму христианства, как более «демократичную». В Британию же вторглись чистые дикари, сродни кимврам, — в свое время уничтоженным Гаем Марием, — обитавшим на том же ютландском перешейке. Об их соседях хавках римские историки рассказывают, как о совершенно примитивном племени, собиравшем для питья дождевую воду в ямы, не знавшем ни земледелия, ни даже охоты, промышлявшем исключительно рыболовством и морским разбоем: «Тогда же хавки, <...> подошли на легких судах к Нижней Германии [галло-римская провинция на левом берегу Рейна] и до прибытия Корбулона опустошали ее набегами; их предводитель Ганнаск разорял главным образом галльский берег, хорошо зная, что обитатели его богаты»²¹.

²⁰ Например, остготский вождь Тотила освобождал рабов и колонов, заручаясь, таким образом, их поддержкой.

²¹ *Тацит*. *Анналы*. Книга XI, 18.

Уцелевшие бритты переправились через Ла-Манш — в Арморику, которую вскоре стали называть Бретанью, по этнониму новых поселенцев. Здесь происходила *la pénétration pacifique* (мирное проникновение), поскольку полуостров населял родственный кельтский народ с близкими языком, культурой (романизация слабо коснулась Бретани)²². Поэт, придворный клирик IX в. Эрмольд ле Нуар, хорошо знакомый с каролингскими хрониками о Бретани, сам там побывавший, в своей поэме говорит, что галлы амикально²³ приняли бриттов, поселили их рядом, и «они вместе возделывали поля». Постепенно две этнические группы взаимоассимилировались, оформившись в новую народность — бретонцев. Изолированные в своих анклавах корнуэльцы и валлийцы развивались обособленно. Языки всех трех этносов постепенно расходились, удаляясь от своей общей основы. Но не настолько, чтобы забыть вербальные памятники. По обоим берегам Ла-Манша барды по-прежнему тешили сердца компатриотов историями про баснословного вождя и его соратников.

Следует помнить, что бретонские легенды²⁴ являлись рифмованными произведениями, стихами или песней. При исключительно устной передаче поэтическая традиция помогала сохранить форму и содержание на протяжении веков, поскольку стихи заучивают дословно. Именно поэтому у всех народов на дописьменной стадии развития поэзия превалирует над прозаическими повествованиями. Тот же гомеровский цикл, созданный в период утраты Элладой письменности, сохранился тогда благодаря поэтической

²² Тем не менее, стоит отметить, что еще до римского завоевания социально-экономический уровень развития галлов заметно превышал британский.

²³ Дружественно (<amical, amicalis).

²⁴ Под «бретонскими» подразумеваются как бретонские, так и кельтские британские (валлийские, корнуэльские). Поскольку во французском нет разницы в этих топонимах — Bretagne et Grand (Gros) Bretagne (термин возник на старофранцузском — *matière de Bretagne*).

форме. Конечно, у кельтов встречалась и проза, вроде валлийских «мабиноги»²⁵ (mabinogion) или саг Ирландии, но они могли сохранять *authenticité* лишь опираясь на поэтическую традицию, и оставаясь достаточно краткими, тогда как иные песни насчитывали до двадцати тысяч стихов (строк).

²⁵ Точное время их появления, как и любой устной традиции, неизвестно.

Феномен французской литературы XI—XIII вв.

Франция — центр европейского средневекового мира и ведущая его культура, — в Высоком средневековье²⁶ переживает экономический расцвет. Совершенствуется техника агрикультуры. Конная упряжка и тяжелый колесный галльский плуг с железным лемехом, возрожденная из античности водяная мельница и заимствованная на Востоке ветряная²⁷, система трехполья и мергель повышают эффективность сельского хозяйства, создавая излишек продуктов, что приводит к демографическому всплеску. За сто лет, с 1100 по 1200 гг. население выросло в полтора раза и достигло 9,2 млн. человек²⁸, впервые превысив население Галлии доримского периода²⁹.

Рост благосостояния вызывает настоящий культурный взрыв. Повсеместно деревянные замки сменяются каменными. В центрах растущих городов вырастают грандиозные кафедралы, в Париже взмывает к небу Notre-Dame, которому суждено стать символом французской культуры. Вслед за материальной культурой прогрессирует и духовная. Недаром XII столетие называют веком французского Ренессанса, на которое он имеет как минимум не меньшее право, чем «классический» итальянский. Во Франции возникают первые в Европе (помимо Болонского) университеты: в Монпелье, Тулузе, Париже (1145 г.), Орлеане. Но если царящая в их

²⁶ Высокое или Зрелое средневековье: XI—XIII вв. — период между «темными веками» (VI—X вв.) и поздним средневековьем (XIV—XV вв.). Коррелирует с периодом сложившегося старофранцузского языка, сменяемого в XIV—XV вв. стадией среднефранцузского.

²⁷ Водяная известна во Франции с IX в., в соседних странах с X—XI вв.; ветряную французские крестоносцы встретили во время Первого похода, он был чисто французским, потому в. м. раньше появились во Франции.

²⁸ История крестьянства в Европе. Т. II. М., 1986. с. 97.

²⁹ 6—8 млн. (История Франции. Т. I. М., 1972. с. 20).

стенах классическая латынь остается языком ученых схоластов и клириков, языком трактатов, ордонансов и хроник, то живой французский язык порождает литературу национальную, расцвет которой приходится на XII—XIII вв., и выходит далеко за границы Франции.

Более высокая культура французского рыцарства покоряет соседние страны посредством литературы и языка. Поэтические рыцарские романы переводят на языки всех европейских стран, но чаще читают и слушают на языке оригинала, что способствует небывалой популярности французского языка. Он становится международным, наравне с латиной. Изучать французский является хорошим тоном. Даже в пиратской Норвегии «Королевское зеркало» XIII в. поучает, что знать французский язык совершенно необходимо для образованного человека³⁰.

В германских землях пишется множество переделок и подражаний французским романам, через них усваивается огромное число французских слов, суффиксы *ei, ien, eiren, etc.* Adenet le Roi в своей поэме рассказывает, что *все немецкие сеньоры, графы и маркизы, взяли за обычай держать в окружении своем французских наставников «для обучения французскому их дочерей и сыновей»* (Pour apprendre françois lor [=leur] filles et lor fis). Влияние французского на итальянский проявляется столь сильно, что там складывается особый литературный франко-итальянский язык. Флорентинец Брунетто Латини пишет на французском свое главное сочинение *Li tresors* (1265 г.), Марко Поло — книгу о вояже на Дальний Восток. В итальянском так же сохраняется множество французских слов³¹. О влиянии французского на английский расскажем в соответствующей главе.

Французская литература не являлась привилегией одних только нобилей. У народа еще раньше сложилась своя: плясовые

³⁰ Сергиевский М. История французского языка. М., 1938. с. 45.

³¹ Там же. с. 45—46.

песни праздников, «трудовые песни», которые пели во время работы, баллады, постурели, лирика любовная и даже сакрально-героическая, посвященная Второму крестовому походу короля Людовика VII. Все они записаны в XII—XIII вв. От более ранних остались лишь несколько фрагментов. Ждать, что они сохранились поныне в устной традиции совершенно наивно, — то же самое, что искать в Уэльсе или Бретани старушку, которая споет вам самый *authentique* VII в. вариант легенды об Артуре. Именно поэтому так важны те тексты, к изложению истории которых мы подойдем в следующих главах. Все памятники устной традиции, о которых говорим «сохранились», сделали это в записях: так называемых списках, которые стали составлять с XI в. (когда дорогой пергамент сменила доступная бумага), часто облеченными в новую, более совершенную форму. Об этом *vide infra*.

Обилие поэтических форм и произведений во Франции, колоссально контрастирует с духовной нищетой соседних стран. Скажем, немецкий эпос, поднатужившись, выдал «Нибелунгов», как эхо того ужаса, который когда-то испытали германцы при виде полчищ Аттилы³². Прочий немецкий мифопоэтический материал — это, как правило, вышеупомянутые переделки с французского. В англосаксонских «королевствах» вовсе не родилось ничего примечательного. Это соответствует тезису Белинского о корреляции масштабов литературных памятников с «духом нации» (по поводу оды чухонской «Калевале»): «Особенно возбуждал в нас сомнение последний довод, в пользу превосходства финской поэмы над поэмами Гомера, состоящий в том, что финская эпопея в одно описание стеснила [вместила] весь национальный дух, тогда как Гомеру нужно было создать для этого две большие поэмы. Что ж тут мудреного? — думали мы. Иной национальный дух так мал, что

³² И как иллюстрация германской привычки купаться в крови.

уложится в ореховой скорлупе, а иной так глубок и широк, что ему мало всей земли»³³.

Другой вид народной французской поэзии — героический эпос — дошел до нас в числе 90 *chansons de geste* (шансон де жест) XI—XII вв., буквально «песни о деяниях, подвигах». Это поэмы о реальных лицах и событиях, местами контаминированные и гиперболизированные³⁴, но часто имеющие историческую основу (даже сатирическая по сути *Pèlerinage de Charlemagne*). Французский героический эпос стал своеобразной «поэтической историей Франции» IX—XII вв., дал нам портрет современника, представление о его этических взглядах. Героические поэмы собирали, компилировали, слегка подвергнув литературной обработке, и исполняли жонглеры³⁵ — странствующие поэты-музыканты, — повсюду, где можно было собрать народ, речитативом, под звуки арфы или виолы. Поэмы были столь длинны, что жонглер мог их петь, с перерывами, по несколько дней. Самую известную «жесту» вы наверняка слышали. Это «Песнь о Роланде». Она была настолько популярна, что родилось предание, изложенное Васом в «Бруте», что при Гастингсе (1066 г.) впереди войска Гильома Завоевателя ехал жонглер Тельефер, певший «Песнь о Роланде», вдохновившую французов на победу³⁶. Апропо, наибольший цикл «жест» посвящен патрону Роланда и его двенадцати пэрам — «паладинам», как наиболее значимым и запавшим в народную память на тот момент; деяния Филиппа Августа и Людовика Святого были еще впереди.

³³ *Белинский В.* «Главные черты из древней финской эпопеи Калевалы». Морица Эмана. 1847.

³⁴ Например, в «Песне о Роланде» напавшие на его отряд баски заменены на мавров и многократно умножены в числе.

³⁵ Не путать с уличными комедиантами-акробатами, ставшими так прозываться с XVI в.

³⁶ История французской литературы. Т. I. М. — Л., 1946. с. 37.

Chansons de gest вызвали подражания на всех языках Западной Европы³⁷ в XIII—XV вв. В Италию жеста попала с французскими жонглерами, и скоро ее исполняли местные cantastone, на ранее упоминавшемся франко-итальянском языке.

Наконец, в религиозные Moyen âge не мог не возникнуть эпос сакральный, воспевавший святых мучеников и миракли. Самый ранний его образец — «Кантилена св. Евлалии» (около 890 г.), является первым известным литературным памятником на французском языке.

Второй ветвью религиозного эпоса стали религиозно-героические поэмы о крестовых походах, где современные события отражены в стиле chansons de gest. В основном это были сочинения образованных людей, вероятно, имевшие под собой эпическую основу. Старейшая из дошедших (фрагментарно), написанная на окситанском³⁸ «Песнь об Антиохии» (прим. 1125—1130 гг.) о Первом крестовом походе, за авторством лимузэнского рыцаря Грегуара Бечады. Самая известная из круазад — «Песнь о крестовом походе против Альбигойцев» (La chanson de la croisade contre les Albigeois³⁹), исполненная моноримными лэссами (главами) в двух частях, первую из которых написал клирик Гильем де Тудела в 1210—1214 гг., вторую завершил анонимный автор (предположительно из окружения последнего графа Тулузы Раймона VII) в 1228 г. «Песнь...» написана тоже на окситанском, и Гильем упоминает «...об Антиохии» в начале второй лэссы. Этически он явно

³⁷ См. op. cit. с. 53.

³⁸ Он же провансальский (южнофранцузский).

³⁹ Научное издание, по единственной сохранившейся рукописи, принял Поль Мейе: La chanson de la croisade contre les Albigeois / Par P. Meyer. Т. I—II. Paris, 1875, 1879. В первый том вошла «Песнь...» в оригинале, во второй — прозаический перевод на современный французский. Русские поэт. переводы осуществлены в 2010 и 2011 гг.

настроен *contra* еретиков. Напротив, Аноним, естественно, на их стороне.

К XI—XII вв. появляется клерикальная поэзия с сюжетами, аналогичными народным, но уже теологически проработанными, восходящими к латинским житиям святых. Их авторами становятся священнослужители или близкие к церковным кругам труверы. Первая известная поэма такого рода, «Плавание святого Брендана», написанная в 1121 г. для Аэлис, жены короля Анри (Генриха) I, англо-нормандским (то есть нормандско-французским, жившим в Англии⁴⁰) анонимом, на основе латинской повести *Navigatio sancti Brendani* X в., синкретизировавшей агиографические сюжеты с древнеирландскими мифологемами. Это сплетение кельтского легендарного материала со средневековыми мотивами даст, в скором времени, тот артуровский цикл, который мы знаем сегодня. «Плавание...» полно баснословных рассказов о неизведанных островах, полных чудес и диковинных животных, вроде овец, размером с оленя. Двести лет спустя Данте интерполировал эти мотивы в поэму («Ад», XXVII), заставив Улисса «изведать мира дальний кругозор», то есть путешествовать из любопытства, а не страдать от дестинических⁴¹ происков богов, как было у античных авторов.

Другие дантовы предтечи *visiones* — «видения» святых о загробном мире, чистилище, также пользовались огромной популярностью. Замечательная поэтесса Мари де Франс, первой обратившаяся к бретонскому фольклору, в 1185 г. увековечила кельтскую христианскую легенду в *Purgatoire de saint Patrice*, о св. Патрике, умолившем бога явить чудо, дабы поколебать религиозный скепсис местного «короля». Бог внимл, и в разверзшейся в горе пещере один из рыцарей короля нашел вход в чистилище, полное страдающих грешников, а далее виднелись райские сады. Чтобы представить

⁴⁰ Встречающееся далее это определение следует понимать так же.

⁴¹ *Destinée* — судьба.

масштабы популярности «Чистилища...», достаточно упомянуть о споре, который ведут до сих пор несколько ирландских графств за честь именоваться местом этого миракля. В XVII в. испанский драматург Кальдерон вывел легенду на подмостки театра в одноименной драме. Клерикальную поэзию на французском языке отличал от канонических латинских «житий» святых явный перевес авантюрной, приключенческой фабулы над собственно сакральной.

Особняком стоит исторически точная, для своего жанра, поэма «Житие св. Фомы» Герна (Гарнье) Пон-Сент-Максанса, написанная по горячим следам, об убийстве архиепископа Фомы Бекета валетами английского короля Анри (Генриха) II у подножия церковного алтаря (1170 г). Одна из скульптурных групп собора в Шартре увековечила эту сцену.

Рамки маленького очерка не позволяют дать развернутую картину затронутой темы. За ними остались колоссальная городская литература, рифмованные хроники и первые мемуары на французском, включая два описания IV крестового похода. Всем им будет посвящен следующий очерк. А пока мы составили лишь общее представление о феномене французской литературы Высокого средневековья (в первую очередь XII в.), вдохнувшей вторую жизнь в артуриану, и привели несколько фактов об уже наметившейся связи французского рыцарского романа с кельтской мифопоэтической традицией. Посему перейдем к *аретси*⁴² истории рыцарского романа.

⁴² Краткое изложение, обзор.

*Table des Tables en 10: vers qui comprennent tous les differens ouvrages
contenus dans ce. Manuscrit.*

C rec et enye et a la premiere ensoigne	7.
L ancelot en charre la seconie tesmoigne	10.
L iget qui Velt trouver la tierce ensoigne praigne	11.
L ichenaliers au lion ala quarte vaigne	12.
T his profilas la quinte nos donra	13.
E t lou romant de troies la sixte ensoigneta	14.
N oires deingle terre la septime auera	15.
D es emperours de rome l'uncime cos dira.	16.
E perneul lon viel qnt tu m well ont	17.
A la meunne ensigne quet par son doulueur.	18.

*Change 72.
7191-2*

Nota Page 105.

*Explicit le Chevaliers au Lyon,
Cil qui l'escrist Gujot a non
Devant Nostre Dame del val
Est des Oïtes tol a total.*

*Manuscript du Val Vallis Sancta Maria, fondet a Paris l'an
1736, fut deservies par des Moines de l'Ordre de
raporte les deux vers minans de la Bible Gujot
Si ne fut oncques de leur Ordre
Mais por ce raponnes en sui.*

Table (оглавление) рукописной книги XIII в., включающей все четыре завершённых романа Кретьена де Труа, и несколько произведений других авторов. вкл. Брут Робера Васа. (Cote : Français 794, BnF).

Рыцарский куртуазный роман

Истоки его следует искать на Юге, где сложился единый литературный язык на основе лимузэнского диалекта, и где рыцарская поэзия зародилась лирической песней лавандовых полей, с легким призывом мавританских мотивов, донесшихся через Пиренеи. Ее пели трубадуры⁴³, — настоящие поэты, авторы и исполнители собственных мелодий и стихов, в отличие от жонглеров-компиляторов. Они выступали не на площадях и ярмарках, а при дворе крупных сеньоров-меценатов, покровительствующих искусству. Происхождение трубадуров было самым разнообразным, вплоть до крупных феодалов: прозвание «первого трубадура» носил граф Гильом VII де Пуатье (он же герцог Аквитании Гильом IX), 1071 — 1127 гг., дед Альеноры Аквитанской. Сохранились сведения о 500 трубадурах, биографии самых известных изложены в знаменитых «Жизнеописаниях трубадуров»⁴⁴. Столь многочисленный и дифференцированный поэтический корпус свидетельствует об огромном интересе, проявляемый рыцарским сословием к поэзии.

А нынче, хотя над страной

Ветер докучный и тучи,

Счастлив я, рифмой летучей

Венчая певучий напев⁴⁵.

⁴³ Troubadour (прованс. trobador), trouvère (старофр. troveres): от глагола, соответственно, trobar et trouver — искать, создавать.

⁴⁴ *Uc de Saint-Cire. Vidas dels trobadors* (XIII siècle). Русский перевод, без указания составителя: *Жизнеописания трубадуров*. М., 1993.

⁴⁵ *Бернарт де Вентадорн*. Песни. V. 4 — 6. (Перевод со старопровансальского В. Дынный).

Действительно, превалировала рифма, которая в античные времена считалась моветоном, ибо стихосложение зиждилось исключительно на метрике, определяемой, к тому же, не акцентом, а длиной гласного. Подобная, лишенная эвфонии, поэзия благозвучна лишь при декламации нараспев (помните Нерона с его лирой?) Именно поэтому нам кажутся такими неуклюжими строфы Гомера или Архилоха.

К концу Античности стали проявляться робкие попытки рифмы, появились акценты в конце стиха, пока еще совпадавшие с длинными гласными. Это сказывалось влияние разговорной простой латыни⁴⁶ на литературную. Грамматики-пуристы жаловались на порчу языка, называя такой литературный язык *bas latin* — низкая латынь. Однако на ней продолжали писать даже самые образованные люди. Трилингвист⁴⁷ Иероним, автор до сих пор канонического перевода Библии на латынь, допустил там немало «вульгаризмов», благодаря чему она получила название *Vulgata*⁴⁸ и стала для нас источником изучения простой латыни.

Современник Иеронима, известный политик и богослов Амбруаз (Амвросий) Медиоланский тоже писал на *bas latin*. Увлекался он и поэзией, в которой уже чувствовалась если не четкая рифма, то акцентированная ритмика. Такие стихи можно уже декламировать привычным для нас способом («Вечерняя песнь»):

За день сей, ныне гаснущий,

За ночь, в наш мир грядущую,

Пылая благодарностью,

⁴⁶ В простой (вульгарной, т. е. народной) латыне длинные гласные редуцировались, их градация шла по привычному нам «качеству» (открытый/закрытый).

⁴⁷ Знаток трех языков. В данном случае латыни, греческого и еврейского.

⁴⁸ Народная, общедоступная.

Поем мы песнь уставную⁴⁹.

Впрочем, Сидоний Аполлинарий и многие другие авторы пользовались традиционным гекзаметром. Как бы то ни было, вскоре разверзлась пятивековая лакуна интеллектуального мрака, когда лишь в монастырских скрипториях теплились слабые огоньки знания, позволяющие нам ныне воссоздавать историю того времени. Но то была научная и клерикальная литература (не считая переписки работ античных авторов), художественная все эти годы оставалась уделом устной традиции и, как мы помним, дошла до нас в списках не ранее XI в.

«Каролингский ренессанс», пришедшийся на упомянутое пятисотлетие и достижения которого принято сильно преувеличивать, нельзя считать вспышкой, рассеявшей, на время, тьму тотального невежества. Пусть он примечателен сохранением (копированием) древних манускриптов и расширением хроникерской деятельности⁵⁰, но поэзии он дал мизер: творчество каролингской «академии» — это слабые подражания античным поэтическим памятникам, поскольку кружок был создан на пустом месте, в безграмотном окружении, без литературной школы, вокруг которой он мог бы развиваться⁵¹ и без оформленной народной эпической традиции.

К XII в. во Франции сложилась прямо противоположная ситуация. С ростом национальной культуры определенно выросла грамотность: образование перестало быть монополией клириков, читать и писать на родном языке умели уже все феодалы, городской патрициат, а кое-где и вилланы. Франция имела богатейшую

⁴⁹ Перевод С. Аверинцева.

⁵⁰ Носящей апологетический характер, снижающий ее научную ценность.

⁵¹ К тому же, его составляли (кроме одного аквитанца и двух ирландцев) сплошь выходцы из отсталых германских областей каролингской державы, не имевших никаких культурных традиций.

эпическую традицию и разнообразную трубадурскую поэзию. Оставалось сделать последний шаг к рыцарскому роману: перейти от музыкальной декламации, к поэтической, а тексты наполнить новыми образами и смыслами. На смену лирической поэтике пришли рыцарские роман и новелла⁵². Но произошло это уже в Лангедойле⁵³, впитавшем куртуазные мотивы Юга, где лирика шевалье развивалась до середины XIII в., когда уступила место лирике городской.

Пара слов о *courtoisie* (куртуазии, куртуазности) — этой новой модели рыцарского поведения, рыцарской культуры, сложившейся к XII в. и ставшей образцом для всей Европы. Куртуазный рыцарь должен быть доблестным, щедрым, любезным, интересным в обществе и учтивым с дамами. Такой набор качеств возник не случайно, и каждое требует пояснения.

Доблесть и смелость, традиционные рыцарские качества, мнимые или действительные, всегда считались имманентными этому сословию. Прочие добавились внове. Щедрость стала порождением ранее упомянутого экономического подъема с — одной стороны, и растущих запросов, связанных с расширением кругозора, как следствие крестовых походов и повышения уровня культуры — с другой. Феодалы уже не жили натуральным хозяйством, не хранили продукцию впрок, — они заменяли шампар тальей⁵⁴. Крестьяне сами продавали излишки и платили сеньору звонкой монетой, которую тот тратил на предметы роскоши, поощрение придворных и подарки дамам. Щедрость (*largesse*), ставилась едва ли не выше доблести (*prouesse*), и требовала немалых расходов. Нагрузка

⁵² Различались размером и сложностью построения, как ныне прозаические их аналоги.

⁵³ То есть северной половине Франции.

⁵⁴ Тем самым появились объективные предпосылки для освобождения крестьян от крепостной зависимости, первые акты которого во Франции относятся к XII в.

не производящие сословия возросла, что сказалось на сеньориальных городах⁵⁵, обложенных тальей. Именно там возникли первые ереси, вроде вальденства, направленные против роскоши, проповедующие бедность и самолишения. На Юге ереси зашли так далеко, что закончились Альбигойскими крестовыми походами, подорвавшими экономику Лангедока.

Светскость, если угодно, салонность, рыцаря — следствие определенного культурного роста. Сеньоры стали читать, в замках появились маленькие библиотеки, состоящие в основном из куртуазных романов; они научились играть в завезенные с Востока шахматы, *trictrac*, музицировать, петь, декламировать стихи. Несмотря на определенный культурный рост и эстетический флер, рыцари оставались жестокими солдатами, не забывавшими проявлять доблесть в междоусобных войнах и походах против иноверцев.

Любезность, галантность, были непосредственно связаны с культом прекрасной дамы. К тому времени женщины заметно эмансипировались, с XI в. они получили право наследовать фьефы, что значительно подняло их социальный и политический вес⁵⁶. В светских замковых кружках, этих салонах Средневековья, они часто занимали центральное место, покровительствуя куртуазным поэтам, как Альенора и две ее дочери. В упомянутом списке 500 трубадуров — 30 женщин. Поклонение даме стало обязательным элементом рыцарского этикета, внося в жизнь шевалье элементы чувственности.

⁵⁵ Впрочем, городской патрициат, эксплуатировавший своих сограждан, и часто имевший ротюрные фьефы, погряз в сибаритстве.

⁵⁶ Этот процесс продолжал развиваться. Достаточно вспомнить Изабель де Франс, не стерпевшую измену Эдуарда II с придворным, и восстановившую справедливость с помощью своего брата, Шарля IV Красивого; регентство Бланки Кастильской; наконец, Жанну д'Арк, с которой в более патриархальном обществе не стали бы говорить даже в Вокулёре, не говоря уже о Шиноне.

Потому куртуазный рыцарский роман — сплетение двух обязательных элементов: любви в возвышенном рыцарском духе и *merveilleux* — чудесного, удивительного, сверхъестественного, не в религиозном, а в сказочном смысле. Этот фантастический элемент, постоянно бросающий вызов герою, заставляет его проявлять все лучшие рыцарские качества, возвышаться над привычной реальностью. Весь сюжет — это цепь бесконечных *aventures*, приключений и подвигов, которые рыцарь совершает ради личной славы и, конечно, любви прекрасной дамы.

Это отличает роман от *chansons de geste*, где мотивы героя — вассальная верность, вопросы чести и религиозный пуризм; самоотверженность была одной из главных его черт. Наоборот, куртуазный герой эгоцентричен, и, как ни странно это для эпохи крестовых походов, индифферентен религиозной конфронтации.

Наконец, куртуазный роман космополитичен тезисом о рыцарском универсуме, одинаковом для всех частей света во все времена, и обнимает античный мир, исламский Восток и Францию. Везде жизненный уклад не отличается от французского. Куда бы автор не забросил героя, в древнюю Трою или в античную Британию, везде будут рыцари, замки, прекрасные дамы, привычные одежда и оружие, а люди будут жить теми же чаяниями и страстями⁵⁷. Зато все прочие элементы окружения — природа, животный мир, сверхъестественные существа, будут всегда новыми и разными.

Эта морально-бытовая стабильность в совокупности с дифференциацией антуража, позволяет роману освоить любую новую «вселенную», от античности до «королевства Артура».

⁵⁷ Так же античный Восток выглядит как современный автору и читателю: в древнем Вавилоне эмиры и гаремы, представлен он как мамлюкский Египет.

В отличие от *chansons de geste*, основанных на динамике действия, куртуазный роман психологичен, наполнен пространными монологами и диалогами, раскрывающими мотивы и чувства героев, он описателен: дает проработанные женские портреты, абрисы бытовых деталей, оружия, доспехов, и антуража.

В поиске почвы для сюжетов авторы разрабатывают экзотические темы древней истории и мифологии, следуя богословскому тезису об античности, как фундаменте для христианского мира, и Франции, как правопреемнице античной культуры (*à-propos, c'est vraiment*):

Нам книги древние порукой:

Обязаны своей наукой

Мы Греции, сомнений нет;

Оттуда воссиял нам свет.

Велит признать нам справедливость,

За ней ученость и учтивость,

Которые воспринял Рим

И был весьма привержен к ним.

В своем благом соединены

Они нашли распространенье

У нас во Франции теперь⁵⁸.

Этот постулат остается неизменным четыреста лет спустя:

⁵⁸ *Кретьен де Труа*. Клижес. 25 – 35. (Перевод В. Микушевича).

«...достаточно вспомнить, как поразительно быстро сменили

ассириян — мидяне,
мидян — персы,
персов — македоняне,
македонян — римляне,
римлян — греки [византийцы],
греков — французы»⁵⁹.

На основе нескольких апокрифических фантастических жизнеописаний Александра Македонского рождается первый известный роман, еще далекий от завершенного типа. Его мир полон чудес, Буцефал здесь — помесь слона и верблюда, Александр носит рубашку, хранящую его от ран, взлетает к небу, спускается под воду, встречает людей-киноцефалов, дев, растущих как растения, etc. Роман написан характерным для некоторых жест парно рифмованным двенадцатистопным стихом с цезурой после шестого слога. Благодаря широкой известности сочинения, этот размер стал именоваться, с XV в., «александрийским стихом».

Но каноничным для романа стал восьмисложный стих с парными рифмами, приблизивший строфы к ритмам разговорной речи. Им был написан первый значимый рыцарский роман: «Роман об Энее» (*Roman d'Eneas*, ок. 1160 г.)⁶⁰, переложение «Энеиды» Вергилия. Исключительно талантливый анонимный автор создал

⁵⁹ Рабле Ф. Повесть о преужасной жизни Великого Гаргантюа. Гл. I.

⁶⁰ Здесь и далее датировка литературных работ дана по А. Смирнову, выдающемуся филологу-медиевисту середины XX в. Более поздние оценки «моложе» на 5–10 лет. Если требует контекст, они даны вторым вариантом, через дробь.

совершенное произведение, ставшее образцом для последователей, включая великого Кретьена де Труа. Через несколько лет появляется «Роман о Трое» Бенуа де Сент-Мора, придворного поэта Анри II, посвященный Альеноре Аквитанской. С рыхлой конструкцией, написанный куда менее изящным языком, он явно уступает «Энею», превосходя последнего размером в 30 тыс. стихов.

Античной темы надолго не хватило — слишком чужды были многие ее фабулы средневековой ментальности. Тогда и нашли бретонскую тему, которая стала не столько источником сюжетов, сколько почти неограниченной средой творческого поиска для самых талантливых поэтов эпохи. Но о ней расскажем в следующей главе, а в завершение этой упомянем прочие оставшиеся циклы куртуазного романа.

В XIII в. после пика популярности бретонского романа, изобилующего баснословными элементами, появилась тяга к обыденному, нефантастичному. Так возник «византийский роман» с более простой сюжетной конструкцией и языком. Авантюрная линия едва заметна, зато много больше любовных историй. Основная тема — любовь двух юных существ, счастьем которых мешают социальные препоны: разность происхождения, вражда родительских домов. Пройдут столетия, и Шекспир перепишет одну из «византийских» историй в своей «печальной повести».

Самые известные в этом цикле: «Флуар и Бланшефлер» (1170 г.) и «Окассен и Николет»⁶¹. Последняя относится к жанру *chante-fable* — песня-сказка; частью исполнена в стихах, частью — в прозе. Она больше иронизирует над сюжетным стандартом, доходя местами до пародии. Окассен, сын графа Бокёра (реальный город в южной Франции) влюбленный в пленную сарацинку Николет, не хочет сражаться с врагами отца, пока тот не разрешит ему пови-

⁶¹ Имеет прекрасный русский перевод: Окассен и Николет. М., 1935.

даться с его пассией. Отец обещает это свидание при условии выполнения сыном рыцарского долга. Тот соглашается, побеждает врагов, пленяет их предводителя. Но отец обманывает его и не держит слова. Тогда рыцарь отпускает пленного с условием, что тот будет... как можно чаще нападать на отца Окассена. Рыцарская мораль здесь вывернута наизнанку, а любовная линия утрирована до скандала. Впрочем, автор всем видом показывает, что все это шутка (*drôlerie*). Даже имена героев инвертированы относительно их происхождения: сарацинская принцесса Николет носит французское имя (уменьшительное от «Николь»), а Окассен — калька с арабского Аль-Кассим.

Последняя волна рыцарских романов, окончательно порвавших с фантастикой, и обратившихся к реальному историческому сюжетам, датирована XIII—XIV вв.: Jouffroy, *La Châtelaine de Vergy* (1285 г.), *Le Châtelain de Couci* (конец XIII в.) о шатлене (управляющем, кастеляне) знаменитого замка Куси с его циклопическим донжоном; фабула перекликался с новеллой «о съеденном сердце»⁶² знаменитого трубадура Гильема де Кабестана. В Провансе декламировали *Flamenca* (1240 г.), *Raimon Vidal* (конец XIII в.), *Castia Gilos*.

Французский рыцарский роман, подобно жестах и провансальской лирике, господствовал во всех европейских странах до XVI в. Родились мириады переводов, переделок и подражаний⁶³ на всех

⁶² Ревнивый граф убивает любовника своей жены и скармливает ей его сердце; узнав, что она съела, графиня бросается с башни.

⁶³ Несмотря на скромную художественную ценность, бывают полезны для реконструкции утерянных французских текстов. Так Ж. Бедье восстановил «Тристана и Изольду» по немецкой, английской и даже норвежской рецепциям романа.

языках Европы⁶⁴. Можно смело сказать, что европейская ментальная культура Средневековья с XII в. стала всецело французской.

⁶⁴ Достаточно упомянуть русскую допетровскую (!) версию «Тристана и Изольды».

Вторая жизнь короля Артура

Рождению бретонских романов во французской литературе предшествовали два события.

Первое: Нормандское завоевание Англии. Еще в 911 г. норманнские пираты, досаждавшие северу Франции, получили там фьеф — герцогство Нормандское. Оказавшись в среде более высокой культуры они, как в свое время франки, были ассимилированы французами: «они усвоили французские нравы и французский язык и, отправляясь в 1066 г. завоевывать Англию, пришли туда как известно, чистыми французами»⁶⁵. В походе через Ла-Манш участвовали рыцари не только из Нормандии, но и из многих других областей Франции, включая Бретань. Младшие сыновья шевалье, не имевшие надежды получить фьеф, надеялись обрести таковой в завоеванной Англии.

Ожидаемо, всесторонне отсталое, полуобщинное английское королевство не выдержало удара, и остров в очередной раз был завоеван. Всю англосаксонскую знать вырезали, ее земли достались верным вассалам новоиспеченного короля Англии Гильома Бастарда, прозванного Завоевателем. Всецело феодальное сословие нового королевства и значительная часть клира стали французскими, что способствовало культурной унификации Франции и Англии. В последней «языком господствующих классов на два с половиной столетия сделался французский («англо-нормандский» его диалект), в результате чего получилось почти полное единство феодальной литературы на французском языке по ту и по сю сторону Ламанша»⁶⁶.

⁶⁵ Сергиевский М. *op. cit.* с. 30.

⁶⁶ Смирнов А. Роман о Тристане и Изольде. // Бедье Ж. Роман о Тристане и Изольде. Ленинград, 1938. с. 10.

Французский стал не только литературным, но и официальным государственным языком Англии на триста лет. А когда в середине XIV в. на эту роль пришел английский, это был уже совершенно другой язык, нежели раньше. Он сформировался под колоссальным влиянием французского: принял его орфографию, «французские слова составляют до 30% всего английского словаря»⁶⁷.

Не менее велико фонетическое влияние, кардинально изменившее его звучание. Любопытный факт: многие звуки старофранцузского, давно выпавшие из него, сохранились в современном английском; например, аффрикаты *ч*, *дж*, межзубные, которые исчезли из французского (диалекта Иль-де-Франс) уже к началу XII в. На момент Нормандского завоевания имя Charles (Шарль) звучало как «Чårлес» с едва слышной *ə*, больше походило на Чарльс, в котором нетрудно узнать современное английское «Чарльз».

Французские феодалы, перебравшись через Ла-Манш, очутились в культурном вакууме, который заполняли, приглашая из Франции труверов и образованных клириков. Процесс растянулся на два столетия, и был отмечен такими событиями, как миграция части забастовавших в 1229 г. магистров и студентов престижнейшего в Европе Парижского университета в Оксфорд, где имелась лишь захудалая школа, которую они подняли до уровня университета в 1231 г⁶⁸. Писатели сочиняли для англо-нормандских королей латинские рифмованные полупоэтические хроники-апологии: жизнеописание Анри I (не сохранилось), «Хроники Нормандских герцогов», etc., нужные им для идеологического обоснования власти над завоеванной страной (уже тогда стояла такая проблема!)

⁶⁷ Сергиевский М. *op. cit.* с. 44.

⁶⁸ В те годы официальный статус университета подтверждался не королевской хартией, а буллой папы, позволяющей заведению присваивать своим учащимся звание магистра.

Именно в этом потоке произошло *второе событие*: в 1137 г. валлийский (то есть кельтский) клирик Гальфрид (Годфруа) Монмутский сочинил прозаическую латинскую мифохронику «История королей Британии» (известна также как «История бриттов»⁶⁹), где главным героем стал персонаж кельтских мифов Артур, повышенный в ранге до короля (*rex*); повышенный, поскольку в более ранней, IX в., *Historia brittonum* («Истории бриттов»⁷⁰) валлийского же клирика Ненния, он выступает в образе героя, в греческом смысле. «В те дни сражался с ними военачальник Артур совместно с королями бриттов. Он же был главою войска». Выиграл у варваров 12 битв, а в последней единолично, в гераклическом духе, уничтожил 960 англосаксов. В отличие от Монмутского, Ненний писал, как он полагал, историческую хронику, у него реальные события перемешаны с вышеприведенными мифологемами. Поэтому Артуру-воину здесь уделены всего три параграфа: 56, который мы цитировали, и 73 – 73а. В одном рассказано про собаку Артура, в другом об убийстве им своего сына. Подобный, кажущийся диким, эпизод — бродячий сюжет многих мифов, кельтские не исключение.

Все три эпизода взяты явно из легендарного материала, а не придуманы Неннием, ибо, будь это его мистификация, он бы развил сюжеты. Оставление их в текущем виде, кажущимися вырванными из другого контекста, подтверждают их заимствование. Вероятно, автор доверял подобной «информации», но получил ее в таком фрагментарном виде, что указывает на какой-то, вероятно поврежденный список легенды об Артуре, впоследствии утерянный.

⁶⁹ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.; Перевод с: *Faral E. La Légende arthurienne, études et documents. T. III. Paris, 1929.* Сохранено деление на главы по Фаралою.

⁷⁰ Русский перевод помещен приложением к указанной в прим. 69 работе.

У Монмутского мы видим совсем другого Артура. Это не герой, а король, полководец. Более того, он лишь поначалу защитник бриттов от варваров-язычников. Уничтожив англосаксов, сам становится завоевателем миров, покоряет Ирландию, Скандинавию, Галлию и даже Рим. Здесь прослеживаются уже чаяния сеньора автора, англо-нормандского короля. Покорение Рима — желание стать независимым от Папы. Островные короли всегда отличались теократическим сепаратизмом, имевшим чисто финансовую подкладку. Захват Галлии — греза о второй короне, уже французской. Недаром войска Артура осаждают галльскую армию именно в Паризии (Париже). «Потом он вернулся в Паризий и разместил там свой двор» (§155), то есть сделал его столицей своей державы. «Артур, исполненный радости и ликования по случаю столь блистательно одержанных им побед, возгорелся желанием держать здесь свой двор и намереваясь возложить на себя королевский венец» (§156), когда короной Британии он был увенчан еще в 15 лет, по смерти своего отца Утерпендрагона (§143).

Завоевательный (куда менее масштабный) сценарий имеет лишь одна легендарная хроника — об армориканском вожде Мериадеке, который в 383 г. участвовал в походе римского претендента Максима. Тот высадился в северной Бретани, у Сен-Брьё, здесь к нему присоединились галлы Мериадека. Затем произошло сражение с римской армией, возглавляемой Лугдунским префектом Убальтом. Легионы Максима и галлы победили. В награду Максим пожаловал Мериадеку Арморику⁷¹. На эту легенду ссылались бретонские герцоги, отстаивая свое право на провинцию, вероятно, не зная, что римские хроники называют Максима узурпатором.

Гальфрид упоминает «О разорении и завоевании Британии» бретонского хрониста VI в. св. Гильдаса, и некоторые другие

⁷¹ *Pégot-Ogier E. Histoire des îles de La Manche. Paris, 1881. p. 32.*

источники, но молчит про «Историю бриттов» Ненния, с которой он, очевидно, был знаком. Вероятно, потому, что позаимствовал из нее Артура. Сам он ссылается на некую, привезенную из Бретани «древнюю книгу на языке бриттов», как известно, письменности не имевших. Возникает вопрос: где он черпал информацию, если, конечно, не вся его «История...» является плодом фантазии?

Последнее не так уж и невероятно. Как эвфемистично выразился филолог А. Михайлов «творческая фантазия играла в работе писателя первостепенную роль»⁷². Действительно, временами авторская фантазия просто безудержно лезет из каждой строки: одиссея Брута⁷³ в Галлии, «список деяний» древнейших королей Британии, история Лира (Леира), почти дословно затем повторенная множеством эпигонов, включая Шекспира. Даже переходя к изложению каноничных исторических событий, вроде завоевание Британии Римом, он то и дело соскальзывает в *fable*.

Сотни артурологов, задаваясь этим вопросом, изучили тысячи памятников, предшествующих сочинению Гальфрида, и нашли лишь несколько ранних упоминаний об Артуре. В поэме валлийского барда (VI в., но не исключена поздняя интерполяция, касающаяся Артура) Анейрана, поется о героической борьбе и гибели северокельтского племени, героем которого был Артур, не имевший равных в бою⁷⁴. Здесь, как у Ненния, образ не короля, а Геракла. Апропо, этот образ оказался достаточно витальным, иные авторы придерживались его сотни лет спустя, как Жиральд из Камбрэ, описавший в 1190 г. якобы найденный склеп Артура. Он рисует скелет настоящего гиганта: «Берцовая кость, поставленная на землю рядом с самым высоким из монахов (аббат показал мне

⁷² Михайлов А. Книга Гальфрида Монмутского. // Гальфрид Монмутский. с. 207.

⁷³ «Брит» Ненния, троянский предок бриттов, чей архетип — Эней Вергилия.

⁷⁴ Михайлов А. Книга Гальфрида Монмутского. с. 218.

его), оказалась на три пальца больше всей его ноги. Череп был столь велик, что между глазницами легко помещалась ладонь»⁷⁵. Действительно, такому черепу позавидовал бы гигантопитек. Забегая вперед, заметим: как только Артур стал предметом высокой литературы, оба образа, и верзила Жильбера-Ненния, и конкеран⁷⁶ Гальфрида, уступят третьему, куртуазному образу седовласого мудреца, который сохранится до наших дней.

Но вернемся к нашим манускриптам, в поиске следов «настоящего» Артура. «Анналы Камбрии» (конец X в.), которые иногда экстраполировали в хронику Ненния, имеют два упоминания: Под 516 г. рассказывается: «Битва при Бадоне, во время которой Артур носил на своих плечах крест господя нашего Иисуса Христа три дня и три ночи, и бритты были победителями». Под 537 г. сказано: «Битва при Камлане, во время которой Артур и Медрауд убили друг друга, и мор наступил в Британии и Ирландии»⁷⁷. И здесь Артур больше Гектор, чем Приам. Маудред стал злодеем Модредом у Монмутского.

Упомянутый св. Гильдас, очевидец событий, бывавший в Британии времен инвазии германцев, должен был упомянуть Артура, если тот существовал. Но он промолчал. Французский исследователь Ж. Маркаль провел анализ клерикальных текстов до 1100 г., и нашел упоминания об Артуре в житиях св. Гильдаса, Кадока, Караннога, Падерна. «В их жизнеописаниях Артур неизменно изображается как предводитель полубандитских, полувоенных отрядов, сражавшихся с саксами, но и охотно занимавшихся грабежами и поборами среди местного населения, не очень соблюдая

⁷⁵ Ibid. с. 223.

⁷⁶ Conquérant — завоеватель.

⁷⁷ Цит. по Михайлов А. Книга Гальфрида Монмутского. с. 220.

при этом неприкосновенность святых обителей. Видимо, солдатня Артура обобрала не один монастырь»⁷⁸.

Теперь можем дать ответы на первые два вопроса, поставленные в начале работы. Артур, вероятно существовал даже в реальности. Он был широко известным бойцом (возможно даже бандитом, наживавшимся на бедствиях войны), а не племенным вождем. Все источники, его упоминающие, не являются списками устной традиции, поэтому точно знать, каково в ней место Артура невозможно. Но, поскольку он присутствует в хрониках и житиях, то в эпосе он должен быть подавно, как компенсирующий фактор в песнях скорби побежденного народа.

Что до второго вопроса, эпос об Артуре нам совершенно неизвестен, списки его, кроме упомянутой небесспорной баллады, не сохранились. Мы можем судить о нем лишь по фрагментам в латинских хрониках. Отсюда невозможно установить корреляцию сочинения Гальфрида с устной традицией. Остается принимать его как архетип и отправную точку артурианы, созданной заново в средние века.

Несколько слов о структуре и фабуле «Истории королей Британии». Первые две трети текста посвящены предыстории Артура, от «древнейших королей» до вторжения варваров, последняя — бенефис нашего героя от пятнадцатилетнего короля до владыки Европы. Закат державы Артура начался с адюльтера его жены с... нет, не с Ланселотом — его еще нет в артуровом мире, — с его племянником Модредом. На почве ревности и поруганной чести, между ними начинается война. Если это эпический сюжет, то стоит говорить только о ревности: в бриттском обществе V—VII вв. еще живы были отголоски матриархата, и сожителство женщины с несколькими партнерами не считалось моветоном. Артур убивает обидчика, но и сам, смертельно раненный, отбывает на Авалон

⁷⁸ Михайлов А. Книга Гальфрида Монмутского. с. 219.

(кельтский Элизеум). После чего вновь начинается война с германскими варварами, которую бритты проигрывают. Fin.

Из известных ныне персонажей сериала (помимо Геневры и Модреда), Гальфрид вводит юного, поначалу, Мерлина (ему Монмутский посвятил отдельное, поэтическое сочинение), Вальгайна (Говена). Заимствованы из другой кельтской легенды вожди Бедуэн и Кай. Здесь у них придворные должности виночерпия и кравчего. Как видим, большая часть известных нам ныне персонажей и символов артураины еще не были в нее введены.

За свои труды Гальфрид Монмутский был вознагражден, в 1152 г., епископской кафедрой. «Хроника» пользовалась огромной популярностью при дворе англо-нормандских королей, особенно новой династии в лице Анри II Плантагенэта, настоявшего, чтобы сын Жоффруа, для которого король оттягал титул Бретонского герцога, назвал отпрыска, рожденного в 1187 г., Артуром. Король мечтал о славе нового Артура, уже из Анжуйской династии.

Закончилось все как в финале Гальфрида — войной дяди с племянником. Юный Артур, как потомок четвертого сына короля, имел больше прав на престол Англии, но Жан (Иоанн), пятый сын, с этим не согласился. Началась распря, кое-как улаженная, на определенных условиях, французским королем Филиппом II Августом в 1200 г. Но всего через два года Филипп лишает Жана всех фьефов, за нарушения вассальной клятвы, и приступает к их реконкисте. Поначалу король Франции собирался удовлетвориться Нормандией, передав прочие конфискованные земли пятнадцатилетнему Артуру Бретонскому, за кои тот принес оммаж в июле того же года, и был помолвлен с Мари, дочерью Филиппа Августа. Однако Жан захватил Артура в плен, убил его в темнице, а тело сбросил в Сену⁷⁹. Теперь все отвоеванные у английского короля земли переходили

⁷⁹ *Пти-Дютайи Ш.* Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII вв. М., 1938. с. 195—196.

под суверенитет короля французского. Вскоре Папа Иннокентий III отлучил Жана от церкви. В течение нескольких лет Нормандия, Анжу, Мэн, Турень, (чуть позже — часть Пуату с г. Пуатье) были присоединены к королевскому домену. Так Филипп исправил ошибку своего отца, бросившего распутную Альенору в объятия Анри Плантагенэта. Мечта англо-нормандских королей, так живо выписанная в сочинении Гальфрида, рассыпалась прахом.

С тех пор Бретань включилась в орбиту Франции, и дала ей таких доблестных рыцарей, как Бертран дю Геклен, Танги дю Шатель и Артур де Ришмон⁸⁰.

⁸⁰ Герои Столетней войны. Геклен вернул с лихвой все потери Бретиньи, Шатель спас дофина Шарля и убил ренегата Жана Бургундского, Ришмон принял эстафету у Жанны д'Арк, дочистив Францию от англичан, особенно эффектно размазав их при Форминьи.

ar ascepes q bienaille
 l a fer tele oſſe au ſauuaille
 d on il ne reſpoſſim mais
 e me uor paſſes auſſe a maſ
 l le naitſſe li huerre de vint
 e ſous l'ia breſſe de dunt
 r grolagane a tele tre
 d l'ne puer parlor ne mor dunt
 e e merre demander ne d'aigne
 e ar ſe fol cuer li deſanſaigne
 d trop laſperſe a arlaſe
 l arrolle uenir ſiſte de laſe
 e e haine a la robe l'aranche
 l ames cil ne li ſont ganche
 e ar cil deſir ſer cil deſir
 e e ſe uol d'ia celus
 d lueſſe ſiſte qe uen
 e en nuls prier auſſent
 l uol a uir cil q ſleur
 d uir ſe au demourer a ſont
 l anſelot deſamur adonſ
 l il q plus li auſſeur onſ
 d ſien on meſſe agaur ſote
 e eigne ſe ſauur andoleſe
 e ſeuor olre la matre
 p e au deſiner matre
 e ſaur li uoſant auſſent
 d deſſer de leguſ li deſ
 d deſſer la charre
 d auſſe bon blaſme ne ſan merre
 e ſe creſten aoure
 e ar ſe ſe p le boen gre
 e reſten q le comſen
 t auſſe a ſer deſ ſe ſe ſen
 e li laſſe ſe amur
 d auſſe li comſe eſt durer
 r auſſe en uſſe pſ merre
 d e moſſe ſe eſt malmetre
 e ſaur li uoſant de laſſer
 d e la d'auſſe

[illegible]

Персеваль, Ланселот и другие куртуазные рыцари Круглого стола

Альенора Аквитанская больше известна как политическая интриганка и недобродетельная жена, чьи альковные мезавантюры до сих пор будоражат умы историков и просто любопытных. А между тем она была большим меценатом, патронессой трубадуров, в том числе знаменитого Бернарта де Вентадорна. И в Пуатье, и в Париже она собирала вокруг себя весь цвет французской поэзии, не скупясь на награды в чисто куртуазном стиле.

Оказавшись в скучном Лондоне, и прознав про сочинение Гальфрида, она тут же заказала Роберу Васу⁸¹, поэту из своей свиты, перевести «Историю...» Монмутского на французский. Вас блестяще справился, написав, как он сам выразился в финальной строфе «Брута», и Бретонскую жесту, и роман⁸². Он не просто перевел, он изложил в стихах не блещущую изящным слогом прозу Гальфрида. Наконец, он добавил элемент, без которого сейчас невозможно представить не только сам артуровский роман, но даже его название. Он добавил Круглый стол.

Действительно, ни у Гальфрида, ни в упомянутых ранее обрывках устной кельтской традиции, никакого стола не упоминалось. У бриттов, с их рудиментарной социальной системой и культурной общинного уровня, не могло быть представления о столе, как центре политической жизни. Зато в средние века христианской культуры столу придавали значение, среди прочего, лакмуса статуса людей за ним сидящих. Их положение за столом было прямо

⁸¹ Альенора стала английской королевой в 1154 г., Brut Васа появился в 1155 г.

⁸² Термин *роман* родился как определение литературы на французском (романском), а не латинском языке.

пропорционально положению в табели о рангах. Недаром французское слово *table* означает и ту самую табель, таблицу, и стол. Круглый стол нивелировал этот смысл, уравнивая всех в положении.

Что навяло Васу эту идею? Очевидно, феодальная психология, как ни странно. Большинство феодалов, принося оммаж, и давая пышную клятву «фуа»⁸³, не горели желанием преданно служить сеньору, неся все вассальные повинности, рассматривая их как обременение. Это мы видели уже на примере английских королей. Шевалье легко меняли сеньора на более удачливого, за больший фьеф или почетные должности. Куртуазный эгоцентризм романов отражал реальную психологию того времени.

Во Франции времена феодальной раздробленности подходили к концу, в прошлом остались дерзкие слова графа королю: «А тебя кто сделал королем?»⁸⁴ Король, опираясь на города и мелких сеньоров, успешно боролся с крупными. Наоборот, в завоеванной почти за сто лет до того Англии, по мере усмирения туземцев, рос сепаратизм нормандских баронов, больше не нуждавшихся в сильной королевской власти. Для них король — лишь первый среди равных. Этот девиз старой феодальной анархии эпохи последних Каролингов вновь был поднят на щит. Именно этот принцип отразил Вас, неожиданно наполнив его совершенно иным идейным содержанием. У него равенство круга носит идеалистический характер, как равенство мудрого короля и добрых вассалов. Сама идея круга почерпнута у клерикального совета — консистория⁸⁵, собрания равных, вставших в круг.

⁸³ Foi — верность.

⁸⁴ *Ademari Cabannensis. Chronicon. Liber Tertius. 34.*; разъяснения см. *Пти-Дюмайи Ш. op. cit. c. 15.*

⁸⁵ Con-sisto (лат.) — становиться, состоять (в букв.: стоять вместе с кем-то).

Эта идеализированная модель стала своего рода эталоном декларируемого рыцарского общества. Возникла литературная традиция обязательного «воспитания» героя при дворе Артура. Убеждение, что только там он станет настоящим доблестным куртуазным рыцарем. Как мы помним, среда рыцарского романа — космополитная вселенная, объединяющая все возможные эпохи и культуры в одну — рыцарскую. Поэтому древнебританский мир Артура живет по современным, для XII в., законам, и там может оказаться любой персонаж, от византийского принца до античного героя.

Теперь мы знаем ответы на следующие два вопроса, заданные в начале очерка. Ответ на третий стал очевидным: дамы, рыцари и замки не просто попали в артуриану, они, как видим, создали ее в том виде, в каком мы ее знаем.

Метаморфоза не только антуража, но и мировоззрения авторов, по сравнению с исходным периодом, разительное различие эпох рождения и переработки мифологического материала, роднит артуровский цикл с другим, гомеровским.

Древнегреческий эпос хронологически приурочен к мийской эре высокой культуры монументальных дворцов, а создан в «темные века» (XI—IX вв. до н. э.) греческой истории, когда была утеряна даже письменность, а люди вернулись к охоте и костру. Все, о чем говорит автор, представляется ему и его современникам, не таким, каким оно было несколько сот лет назад, а таким, каким его знают современники Гомера. Аристократ и цари (басилеи), живут в примитивных деревянных домах с земляным полом. Перед «дворцом» Одиссея — огромная навозная куча. Кругом грязь. Примитивный «курной» очаг, испуская дым внутрь помещения, закоптил весь «дворец». «Гомер явно не представляет себе, как выглядели дворцы и цитадели “героического века”»⁸⁶. Нет и намека на мир

⁸⁶ История Древней Греции. Под ред. В. Кузищина. М., 1986. с. 71.

высоких каменных стен, огромных залов и бесчисленных комнат, с сотнями спящих писцов и чиновников.

Так же разительно различается психология героев поэм и их реальных прототипов. Басилей держат заначки под кроватью, бережливы до скупости, и наперечет знают все свое небогатое имущество. Их прообразом является представитель племенной «знати», имеющий лишнюю пару овец, что делает его богачом в глазах соплеменников. У басилеев нет ничего общего с анактами Пилоса и Микен, окруженными многочисленной свитой, и чьи богатства неисчислимы. Даже само слово «басилей» означало в микенскую эпоху всего лишь деревенского старосту, ответственного за сбор налогов с односельчан.

Столь же разительны различия в антураже и психологии в артуровских романах, но с обратным знаком. Здесь примитивный родовой мир, с соответствующим мироощущением, поднят до уровня Высокого средневековья.

С третьим тесно связан и четвертый ответ. О рождении Бретонского цикла из обрывков устной традиции. Еле тлеющие угольки кельтского эпоса раздул, силой своей неистощимой фантазии, Гальффрид Монмутский. Вас сделал легенду достоянием самой передовой культуры своего времени — французской. Следовательно, мимо нее уже не могли пройти авторы рыцарских романов. И первым, кто ее заметил, стал великий куртуазный поэт Кретьен де Труа. «Настоящим создателем артуровского романа надо признать Кретьена де Труа (Chrétien de Troyes), которому принадлежат первые и вместе с тем, без всякого сомнения, лучшие образцы этого жанра»⁸⁷.

Попутно будем держать в уме *пятый вопрос*, о персонажах и символах. У нас уже есть Круглый стол, король Артур (теперь это

⁸⁷ История французской литературы. с. 110.

действительно король), по левую руку от него королева Гиньерва⁸⁸ и несколько рыцарей. Осталось усадить за стол остальных героев. Этим и занялся Кретьен де Труа.

«Великий романист любви и приключений»⁸⁹ добавил в артуровский роман, помимо новых героев, одну важную черту. *Он избавил его от необходимости прикидываться исторической хроникой.* «Предшественники Кретьена (и его далекие последователи) стремились уложить легендарный артуровский материал в рамки традиционной истории. Так, например, поступал Вас. Т. е. там перед нами была историзация мифа. У Кретьена как раз наоборот. Для него фиктивность, сказочность изображаемой им «бретонской» действительности непреложна. Это не «история», это «повествование» (*conte*) о чем-то выдуманном, в действительности не бывшем и именно поэтому интересном, занимательном»⁹⁰.

Иными словами, он избавил его от политической апологии сеньора-заказчика, которая для него не могла быть актуальной: он творил при дворе Мари Шампанской (дочери Альеноры и Людовика VII), не грезившей завоеванием французской ойкумены, и живо увлекавшейся искусством как таковым. У Кретьена артуровский мир — это среда для развития его куртуазно-фантастических сюжетов. *Артуровский мир не имеет больше ни географической, ни исторической привязки.* Он существует только в романах, не имея аналогий ни с одной Бретанью. Он полностью вымыслен. Это фантастика в современном понимании. Бретонский роман родился в форме *fable*, коррелируя в этом со своим первоисточником.

⁸⁸ Добавим сюда топонимы (страна Логр, города Титанжель, Камелот, лес Бросельянд) уже имевшиеся у Гальфрида и Васа, или в устной традиции (мабиноги) того времени.

⁸⁹ Так назвал его филолог Г. Коэн в заглавии своей книги о поэте.

⁹⁰ Михайлов А. Французский рыцарский роман. М., 1976. с. 150.

В этой среде Кретъен ставит проблемы, волнующие современное ему общество, а не пытается перепеть архаичный эпос. Возможно, он недалек от мысли своего коллеги XIII в.: ««Бретонские рассказы так пусты и забавны!» («Les contes de Bretagne sont si vains et plaisants!»)⁹¹ Постановка вопроса, этическая коллизия, а не авантюра ради авантюры, выгодно отличает творчество Кретъена от основной массы рыцарских романов. «Живость и убедительность романов Кретъена еще усиливаются его блестящим техническим мастерством (искусство диалога, богатый и гибкий язык, виртуозное стихосложение) и едва уловимым оттенком иронии, охлаждающим пафос рыцарской сюжетики и помогающим острее почувствовать скрытые побуждения и свойства человеческой натуры»⁹².

Его первый роман — «Эрек и Энида» (1165/1170 г.), обошелся не только без кельтских элементов (помимо имен и одного эпизода), но и почти без фантастики. Рыцарь Круглого стола Эрек, сын короля Лака, а вскоре и сам король, столь сильно любит свою жену Эниду, которую взял из бедной семьи, что подданные королевства начинают роптать, что он забросил все свои рыцарские обязанности, помимо альковных. Энида впадает, по этому поводу, в минор, и Эрек решительно выезжает на подвиги. Но вместо оруженосца его сопровождает Энида, готовая ради любимого разделить опасности его рыцарского пути, полного разбойников и недоброжелательных коллег Эрека. Кульминацией становится прибытие раненного Эрека в замок некоего графа, который решает его убить, чтобы завладеть Энидой. Но она раскрывает злобный замысел графа и увозит Эрека из замка.

Здесь несомненна разработка проблемы совместимости любви с доблестью, решаемая положительно. Это *hommage*⁹³ образу верной любящей женщины, готовой разделить с рыцарем его

⁹¹ История французской литературы. с. 102.

⁹² Ibid. с. 110.

⁹³ Здесь в смысле «дань уважения».

тяготы, в противовес стандартной даме сердца, пустышке, уверенной, что она рождена быть примером обожания без каких-либо ответных движений души.

Но это еще и интерпретация событий, произошедших совсем недавно, лет за двадцать до создания поэмы, и современники, особенно из окружения Мари Шампанской (тем более она сама), не могли этого не заметить. Основные события романа в точности повторяют события... второго Крестового похода! Нет, не боевые перипетии и тяготы пути (хотя и не без этого), а историю Людовика VII и Альеноры Аквитанской.

Короля считали мягким, и не сразу смогли уговорить на поход. Альенора отправилась с ним (если верить хронике, сама выпросила крест у Бернара из Клерво). Наконец, кульминация случилась в замке графа Триполи Раймона II, дяди Альеноры: Людовик заподозрил ее адюльтер с графом, после чего свернул поход, и они отправились в обратный путь. Через четыре года они развелись. Если аналогии столь не случайны (что было бы чудом), в «Эреке» Кретьен инвертирует реальные условия и события: Альенора, чье герцогство втрое больше королевского домена, и нищенка Энида в дырявом платье, etc. Он иронизирует над легкомысленной Альенорой и дидактически выводит образ верной подруги рыцаря. Не исключено что это идея Мари, не питавшей особого пиетета к матери.

Второй роман — «Клижес» (1165/1175). Сюжет развивается в Византии, однако и в артуров мир герои не забывают заскочить. У Клижеса роман с женой его дяди, Фенисой. Чтобы не делить ложе с двумя партнерами, подобно Изольде, Фениса, каждую ночь, усыпляет мужа с помощью волшебного зелья. Рождается компромисс между куртуазностью и строгой моралью.

Среди прочего роман выводит Ланселота Озерного и Персеваля. Оба они помянуты в эпизоде с турниром, оба побеждены Кли-

жесом: Ланселоту он пробил щит и выбил из седла, Персеваля просто уронил. Если Персеваля Кретъен мог взять из устной традиции того времени⁹⁴ (он намекал на какие-то источники), то странное совпадение имени Lancelot и слова lance (копье), выглядит совсем не случайным. Если вспомнить, что Озерным он назван за то, что фея вырастила его в воде, а еще одно значение lance — струя воды, то вера в случайность улетучивается совсем. Особенно на фоне ироничного настроения поэта. Нет, Кретъен не высмеивает жанр, он слегка подтрунивает над некоторыми его элементами, а игра слов у него будет подмечена еще не раз. Равно как и совсем явные контаминированные вставки иного мифологического материала, вроде «Сын короля Арэса Тор»⁹⁵, которые даже серьезные исследователи стараются не замечать, чтобы не сдуть с цикла тонкий флер кельтизма, такой привлекательный для экзальтированной публики.

В третьем романе появляется «Ланселот, или Рыцарь телеги» (Lancelot, ou le Chevalier de la charrette, 1165/~1170). Здесь впервые развивается сюжет адюльтера Ланселота с женой Артура Гиньервой. Предельно куртуазный роман написан по заказу Мари Шампанской.

Четвертый, «Ивен, или рыцарь Льва», (1175 — 1181 гг.), полон кельтской фантастики. Тема дамы сердца здесь разработана уже иным образом, нежели в «Эреке», ближе к «Ланселоту. Вместо верной спутницы рыцаря — эгоистичный и капризный предмет обожания, способный, ради проверки покорности обожателя, приказывать ему проиграть бой. По мнению Ж. Фраппье, роман писался параллельно с последним — «Персевалем» (о нем речь в следующей главе). Оба романа полны перекрестных аллюзий⁹⁶. Это признаки

⁹⁴ Не обязательно из артуровской.

⁹⁵ Перевод Н. Рыковой.

⁹⁶ Михайлов А. Французский рыцарский роман. с. 115.; Frappier J. Etude sur Yvain ou le Chevalier au lion de Chrétien de Troyes. Paris, 1969. p. 13.

систематической циклизации, начальные элементы которой присутствовали и в предыдущих романах Кретьена, в лице второстепенных персонажей: короля Артура, Гиньервы, Кая, Говена, Бедузена, etc. Обилие «свободных» персонажей, чьи судьбы еще не придуманы, оставляет место для сонма новых сюжетов в артуровском орбисе. Это позволило французским авторам следующего века объединить многочисленные разобщенные романы в единую систему, огромный цикл легенд, «хронику» артуровского мира, которую потом оседлали толпы интерпретаторов, компиляторов и подражателей, в первую очередь, английских⁹⁷, начиная с Томаса Мелори (Малори), первого островного компилятора (XV в.) французских романов артуровского цикла. Он контаминировал «Вульгату»⁹⁸ (в тексте зовет ее Французской книгой), цикл прозаических романов XIII в., которого мы коснемся позже.

⁹⁷ Именно английских, а не нормандско-французских, бывших причастными к циклу в XII в.

⁹⁸ Не путать с упоминавшейся Библией.

Вперед, за Граалем!

Пятый, последний и незаконченный роман Кретьена⁹⁹: «Персиваль, или Повесть о Граале» (Perceval, ou le Conte du Graal, после 1180 г.), подарил миру самый таинственный артефакт, сущность и происхождение которого до сих пор пытаются постичь миллионы людей, от ученых до тех, кто читает только комиксы.

Персеваль, отпрыск рыцарского рода, жил с матерью в глухом лесу, поскольку она боялась, как бы единственного оставшегося сына не постигла участь братьев, сгинувших в жостах¹⁰⁰ и сражениях. Оттого он вырос темным и некуртуазным. И когда все-таки зов крови вывел его из лесу и привел ко двору Артура, то стал он там посмешищем, грибулем¹⁰¹. Но со временем он многому научился и заработал себе место за Круглым столом. Однако годы насмешек сделали его излишне скромным, застенчивым.

Отправившись на подвиги, как и подобает рыцарю, он наткнулся на таинственный замок, где хозяин возлежал посреди залы, с пробитыми насквозь бедрами. Вокруг него совершался странный ритуал: последовательно проносили сломанный меч, окровавленное копье, нестерпимо ярко сияющий кубок, подсвечники и серебряное блюдо. Несмотря на распиравшее его любопытство, Персеваль не осмелился спросить о сути церемонии. Он принял предложение шатлена переночевать в отведенной комнате. Наутро обнаружил, что замок совершенно пуст. По прошествии времени Персеваль выяснил, что спроси он тогда о смысле этого

⁹⁹ Написан уже для нового патрона, графа Фландрии. Незакончен, peut-être, из-за кончины поэта.

¹⁰⁰ Joste, joust (старофранц. ; > joute) — рыцарский поединок насмерть.

¹⁰¹ Gribouille — Грибуль (совр. Грибуи), персонаж сказок, простофиля, деревенский дурачок, который прячется от дождя в реке.

итеративного¹⁰² экстраординарного ритуала, заклятие было бы снято, и рыцарь, а это был король, мигом бы исцелился, в его стране настало б всеобщее благоденствие.

Увечного зовут Король-Рыбак. Помня пристрастие Кретьена к *jeu de mots*¹⁰³, нетрудно вспомнить про созвучие слов «рыбак» и «грешник»: *pescheor et pecheor* (совр. *pêcheur et pécheur*). К тому времени *s* перед *ch* перестали произносить, и указанные слова различались лишь «качеством» безударной гласной. Кретьен, называя короля Рыбаком, подразумевал Грешника. Эта версия логична, если в ритуал вложены аллюзии на христианские символы — король наказан за грехи.

Сломанный меч видится намеком на Дюрандаль Роланда (а как помним, жесты были всегда выражением христианского духа). Эта мысль посетила, в следующем столетии, автора финального прозаического романа, где умирающий Артур ломает свой Эскалибур. Сцена закольцовывается с этим эпизодом романа Кретьена. Окровавленное копьё — напоминание об ударе копьем, нанесенном распятому Христу. Тогда таинственный кубок, *Graal ou Greal*, несомненно, чаша, в которую собрали кровь Иисуса. Само слово Грааль (или, как указано выше, Греаль, что звучит более французски, и часто встречается в списках) тоже придумал Кретьен. Нигде до «Персеваля» оно не встречается, пусть экзальтированные эпигоны «находят» его чуть ли не в Библии. По мысли некоторых комментаторов, вид Грааля облегчает страдания Короля-Рыбака (или Грешника). Если все это так, то мы получаем сюжет весьма сакральный по духу.

¹⁰² Постоянно совершающегося на протяжении многих лет. Время в замке шло по кругу, неизменно повторяя один и тот же день.

¹⁰³ Игра слов.

Но можно поискать и в, уже порядком затертых и ныне скучных на открытия, кельтских легендах. Там найдем увечное полубожество Брана, страдающего от неизлечимой раны. Найдем магический сосуд, насыщающий его владельца и лечащий его увечья. Тогда это куртуазная авантюра, которую, после ухода поэта, продолжили его ученики и прозелиты, коих у него было немало. Менаассье в 1230 г. закончил одну версию, посвященную Жанне, внучатой племяннице графа Фландрии, заказчика «Персевалья», вторую версию тогда же завершил известный поэт Жерберт де Монтрёй. В обоих вариантах Персеваль вновь находит замок Рыбака, и снимает с него проклятие, тот выздоравливает.

Кретьен де Труа, сколько бы он не зачерпнул из мифопоэтической традиции, дал Бретонскому роману очень много, от канонов жанра и героев, ставших обязательными, до моральных и психологических ориентиров. Его влияние на дальнейшее развитие артурианы колоссально. Стоит отметить еще один немаловажный факт: обратное влияние письменной литературы, основанной на эпосе, на этот самый эпос, когда он впитывает все те изменения, что произошли на письменной стадии. Романы великого Кретьена де Труа были столь знамениты, что «Эрек», «Ивен» и «Персиваль» вернулись в кельтский эпос (валлийские мабиноги), обогатив устную традицию новыми героями, сюжетами и коллизиями.

Но вернемся к Персевалю, чья история, как истории других Кретьеновских героев, получила продолжение. В начале XIII в. этическая сторона рыцарского романа приобрела тенденцию к некоторой сакрализации¹⁰⁴, и символы, начертанные Кретьеном де Труа в своем последнем романе укладывались в нее как нельзя лучше. Первым их использовал в таком ключе Робер де Борон. Он написал, в 1200 г., предысторию Грааля, поэму об Иосифе Аримафейском.

¹⁰⁴ Чему виной распространение ересей, упомянутых нами ранее. Эта тенденция была ментальной реакцией на них.

Несмотря на то, что этот персонаж взят из апокрифического «Евангелия от Никодима», он мигом прописался, во всех смыслах, в артуровский цикл. У Борона Иосиф, ученик Христа, собрал его кровь в чашу тайной вечери. Иудеи замуровали Иосифа в каменный мешок, но к нему явился Христос и передал ему ту чашу, Грааль, которая питала Иосифа на протяжении многих лет, прежде чем он был освобожден. Иосиф уехал в «Британию» проповедовать христианство, и основал там братство хранителей Грааля. Хранители обязывались быть целомудренными. Последний хранитель впал в сладострастие, за что и был наказан непреходящим увечьем. Здесь слышится отголосок Ключийских реформ, боровшихся с николаизмом¹⁰⁵. Целомудренный рыцарь, вроде Персеваля, должен спросить увечного хранителя о причине его страданий. Тогда последний избавится от них, возносясь на небо, а неофит станет оберегать Грааль.

Концепция Грааля, как высшей священной реликвии, стала основой целой ветки артуровского цикла. Центральная идея — поиск этого артефакта, которая сменила (или развила) схему Борона. Но это произошло, в основном, уже в прозаическом романе, пик развития которого пришелся на XIII в., когда Бретонский поэтический роман стал постепенно затухать: столь ярких авторов, Как Кретьен, или хотя бы его ученик Рауль де Удан¹⁰⁶, на сцене не появлялось. Уже слог и ритм того же Борона оставляют желать лучшего. В иных романах нередко элементы пародии на жанр, как в «Фергюсе» Гильома Ле Клерка, где молодой виллан Фергюс роняет в поединках, одного за другим, всех рыцарей Круглого стола.

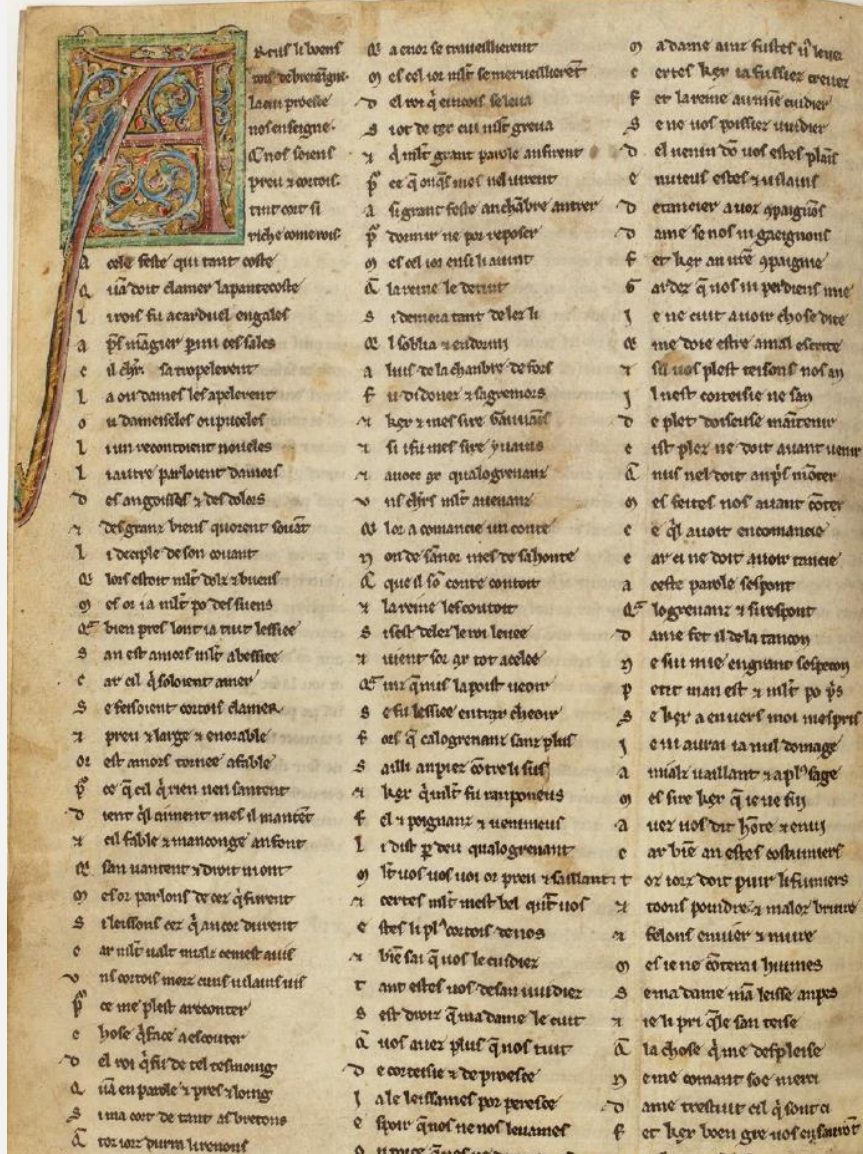
¹⁰⁵ Вступление клириков в брак или плотское сожительство.

¹⁰⁶ Мы опустили рассказ о других мастерах Бретонского романа, поскольку поэмы Кретьена де Труа очерчивают его достаточно четко и полно.

Феодалы пресытились куртуазным романом, их рыцарский эгоцентризм постепенно ослабевал, вследствие растущей централизации Франции, и связанных с ней перемен. На смену привычным усобицам пришел антагонизм короля и крупных его вассалов, в первую очередь английского короля, который после потери почти всех французских владений стал иноземцем, пусть и говорящим по-французски. Время мелких стычек сменилось первыми серьезными битвами, вроде Бувина и Шато-Гайяра. В бою требовалась не только личная доблесть, но и способность к слаженным действиям, какое-то проявление дисциплины.

Великий король Филипп Август из маленького домена вырастил настоящую силу, с которой считались все, и королевство Франция стала реальностью. Его внук Луи IX мог законодательно запретить междоусобные войны. Вопросы личной чести подчинялись воле сюзерена. В такой обстановке воспевать рыцарский эгоцентризм перестало быть актуальным.

In toto, на фоне «коммунальной революции» и бурного роста городов, наметилось смещение в них культурного центра. Практичные и не искушенные в изящной поэзии горожане предпочитали прозу.

Первая страница романа Кретьена де Труа Ивэн, или рыцарь Льва во Français 794 (р. 80).

Прозаический финал бретонской эпопеи

Прозаические романы XIII в. закончили циклизацию бретонских романов, начатую Кретьеном де Труа и его коллегами. Число сочинений цикла столь огромно, что они сложились в мегацикл, получивший название «Вульгаты». В нем можно выделить два основных цикла:

Первый, «Дидо — Персеваль», названный так по имени А.-Ф. Дидо, коллекционера манускриптов, в чьем собрании была найдена значительная часть списков цикла. В нем три больших романа: «Иосиф Аримафеский», «Персеваль» и «Мерлин».

Содержание легко читается по названиям: «Иосиф» пересказывает Борона, «Персеваль» ищет Грааль, а «Мерлин» разрабатывает богатую деланку профетизма, намеченную еще Гальфридом в одноименной поэме. Авторы (все — анонимы), развивали идеи Борона, попутно развлекая читателя бесчисленными авантюрами, не особо заботясь о стройности композиции, детерминистичности сюжета и красивом слоге. Основной недостаток — тексты напрочь лишены описательности. Все события набросаны схематично, картины антуража практически отсутствуют, оставляя абрис мира на фантазию читателя и слушателя.

Параллельно, другим автором, очевидно, клириком, был написан *Perlesvaus* («Перлесво»). Он начинается в том месте, где прервался Кретьен де Труа. Здесь так же герой, в имени которого читается Персеваль, успешно находит Грааль, освобождает душу Рыбака, а вслед за ним возносятся и священные реликвии: окровавленное копьё и Грааль. Роман далек от куртуазии, напротив, он пропитан религиозными мотивами и неприязнью к иноверцам — отзвук не столько крестовых походов, сколько все того же катарства. И здесь проявляется черта, характерная для большей части книг прозаической серии, и разительно отличающая ее от рыцарских

поэм — отсутствие амурной линии. Если таковая и проявляется в какой-нибудь части цикла, то только в негативном ключе, как не раз помянутый адюльтер Ланселота с Гиньервой, или кровосмесительная связь Артура со своей сестрой, породившая Модреда, — одновременно сына и племянника седовласого мудреца. В последнем случае проявилась тенденция оглядки на «первоисточник» — «Историю...» Монмутского. Это связано с тем, что в Средневековье всякая «хроника» имела репутацию серьезного исторического документа, на «авторитет» которого было удобно опираться при развитии любого тезиса.

Второй цикл, это «Ланселот — Грааль». Как видим, здесь ревнивые анонимы (явно уже другие), не захотели отдавать всю славу поиска Грааля, как центральной темы цикла, Персевалю, и попытались разделить ее с Ланселотом. Но, поскольку он был далек не только от целомудрия, но и от какого-либо благочестия — сделал своей метрессой жену сеньора, короля Артура — то нашли выход в рождении им сына. Нет, не от Гиньервы, а от... дочери Короля-Рыбака (в нужный момент таковая появилась). Галахад, как нарекли новорожденного, достаточно чист, чтобы, подобно Персевалю, найти сокровенный кубок.

Цикл составили романы «История Грааля», «Поиски Святого Грааля», «Книга о Ланселоте Озерном», «Смерть Артура». Наибольший из них, «Книга о Ланселоте...», составляет три увесистых тома. Это три романа, объединенных одним персонажем, условно именуемые романами «...о Ганелоте», «...о телеге» и «...о Агравейне» (прелюдия к «Поиску Грааля»). «Ланселот» настолько запутан, что в хитросплетениях бесчисленных авантур мог разобратся только автор, выписавший из них законченные сюжеты. В романе еще свежи отголоски куртуазии, и в нем полно различных амурных линий. Но постепенно выходит на первый план константа благочестия. Ланселот, поняв свою греховность, находит

силы прекратить адюльтер с Гиньервой, этой Альтенорой артурианы. За это ему на мгновение показывается Грааль. В «Ланселоте» уже намечается раскол на партии Говена и Ланселота.

В «Поисках Святого Грааля» — сплошное описание авантур многочисленных претендентов на находку заветного артефакта. Параллельно Грааль ищут Галахад и его визави Говен. После завершения поиска выжившие герои (здесь их смертность особенно велика, некогда бесконечная вселенная Артура близится к своему концу) могут спокойно состариться в обителях.

Наконец, «Смерть Артура» ставит жирную точку в затянувшейся истории Артура и его команды. Фабула лишена былой дифференциации сюжетов, она линейна, как стрела. Некогда оптимистичный мир Камелота минорен и угрюм, как разоренная враждующими феодалами область. Вечно молодые герои постарели. Той же Гиньерве уже 50 лет (но она еще красива). Ланселот предал обеты и снова с ней развлекается, враждебная партия Говена обращает на это внимание короля, ухитрявшегося столько лет ничего не замечать. Этот и многие другие повороты сюжета копируют «Тристана и Изольду». Потентат из седовласого мудреца превращается в недалекого и ревнивого короля, подобно тристановскому Марку. Он изобличает неверных, начинается война. Гибнут почти все рыцари, уцелевшие после «Грааля». Затем происходит *déjà vu*¹⁰⁷ в «Истории бриттов» Монмутского. Помирившиеся стороны отражают романское вторжение, однако беда приходит с другой стороны: пока все были на фронте, плод королевского инцеста племянник-сын Артура Модред узурпирует власть. Начинается новая уособица. Гибнут все. Артур и Модред убивают друг друга.

¹⁰⁷ Дословно: уже виденное (*vu* — *participe* [причастие], форма глагола *voir*).

Симптоматично, что литературная гибель Артура королевства хронологически совпала с гибелью Англо-Анжуйской монархии, некогда видевшей в артуриане апологию своих амбиций.

Последний роман возвратил в сериал болезнь, от которой его вылечил Кретьен. Он вернулся к историзации мифа. Все теперь подается с серьезным лицом, под видом хроники или мемуара. Топонимика романа представляет причудливую помесь диковинных кельтских сказочных наименований, вроде Камелота и Бросельенда, и вполне реальных, совершенно непричастных к действию винчестеров, которых не было ни в древнем эпосе, ни в куртуазных романах, ни даже в большинстве прозаических. Этим невольно устанавливается фиктивная связь между кельтско-французским миром легенды и англосаксонской Англией.

Именно эту болезнь разовьет до масштабов пандемии в своей неуклюжей рецепции Мелори. Его последователи воспользуются такой оказией, узурпируют французский памятник, и объявят серенькую переделку Мелори, исполненную жалким языком, шедевром литературы и эталоном артуровского романа, умножив список голых королей, на создание которых они истинные мастера.

Напоследок пара слов о дальнейшей судьбе артуровского романа. «Именно прозаический роман в его поздних редакциях стал предметом первых печатных публикаций, которые затем повторялись на всем протяжении XVI в. Заметим также, что именно прозаический роман (на артуровские темы) лег в основу поздних обработок бретонских сюжетов — от строго научных (П. Париса и Ж. Буланже) до довольно легковесных»¹⁰⁸, вроде сочинения неких Гильберта и Ноульса, и прочих, которые есть «поклеп на средневековье с его утонченным художественным организмом, изумительно гибким каноном форм. Поразительно, как обесценивается, обесцвечивается до неузнаваемости перелицовывается чудесная ткань

¹⁰⁸ Михайлов А. Французский рыцарский роман. с. 263.

средневековой фабулы в руках “поэтичного” любителя»¹⁰⁹. Это обесценивание началось тотчас, как французский памятник попал в руки англичан, обладающих удивительной способностью опошлить любое, самое высокое творение.

Поэтому необходимы подобные этой работы, дабы напоминать публике об истинном происхождении выдающихся памятников литературы, и помогать отличать их от дешевых английских поделок.

« Tant qu'il y aura sur la terre ignorance <...>, des œuvres de la nature de celui-ci pourront ne pas être inutiles ». V. Hugo¹¹⁰.

¹⁰⁹ Мандельштам О. Ан. Свентицкий. Книга сказанья о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. // Печать и революция. 1923. № 6. с. 255.

¹¹⁰ «Пока на земле будет существовать невежество <...>, работы такого свойства могут быть небесполезными». В. Гюго. Из предисловия к рукописи *Les Misérables* (BNF); впоследствии бельгийский редактор самовольно изменил *œuvres* (работы, труды) на *livres* (книги).

1 mlt' conoisse & mlt' uoies
 2 sel p'ier' s'eb' l'oit' ch'ou
 3 et s'ir' p' r'et'or' amez
 4 l'it'ere q'hu' delez
 5 l'it'ir' d'ame' uoluer' l'an
 6 mlt' fore' & p'oins' & l'an
 7 l'ap'el' q'ir' & l'it'ir' d'oy
 8 mlt' ne' l'it'ier' se' il' non
 9 uot' le' moult' p'ch'ac'ies
 10 al' l'it'ir' la' d'ame' d'ec'ies
 11 d'it' m'el' p'oir' est' tot' l'it'ent
 12 a uolente' fore' & sel' l'it'ent
 13 d'it'ore' mlt' q'io' p'ois
 14 e'et' d'it'ore' la' nel' de'ille
 15 or' l'it'ore' sil' ne' fust' no'is
 16 or' m'el' uot' l'it' p'oir
 17 s'ir' p' q' d'it' ne' uot' a
 18 el' d'el'om'el' le' uot' d'it'ir
 19 l'it'ore' sil' la' l'it'ore' b'it
 20 s'ir' n'it'el' ne' la' n'it'ore' b'it
 21 l'it'ore' d'it'ore' la' nel' d'it'ir
 22 p' q' uot' l'it'ore' uot' & l'it'ir
 23 l'it'ore' p'el' & l'it'ore' amoz
 24 el' q'ia' ne' fust' a' mlt' uot
 25 l'it'ore' l'it'ir' f'it' l'it'ir' uot
 26 l'it'ore' l'it'ir' p'ir' uot
 27 l'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 28 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 29 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 30 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 31 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 32 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 33 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 34 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 35 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 36 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 37 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 38 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 39 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 40 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 41 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 42 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 43 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 44 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 45 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 46 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 47 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 48 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 49 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 50 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 51 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 52 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 53 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 54 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 55 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 56 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 57 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 58 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 59 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 60 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 61 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 62 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 63 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 64 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 65 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 66 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 67 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 68 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 69 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 70 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 71 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 72 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 73 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 74 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 75 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 76 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 77 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 78 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 79 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 80 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 81 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 82 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 83 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 84 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 85 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 86 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 87 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 88 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 89 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 90 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 91 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 92 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 93 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 94 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 95 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 96 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 97 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 98 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 99 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir
 100 d'it'ore' l'it'ir' uot' l'it'ore' d'it'ir

Колофон с указанием имени переписчика, клирика Гишо во Français 794 (p. 105)

Библиография

Ademari Cabannensis. Chronicon.

Chrétien de Troyes. Érec et Énide, Le Chevalier de la Charrette, Cligès, Le Chevalier au Lion... (Cote : Français 794, BNF).

Chretien de Troyes. Les Romans. I—III. Paris, 1970—1973.

Cohen G. Un grand romancier d'amour et d'aventure au XII siècle. Chretien de Troyes et son oeuvre. Paris, 1931.

Favre L. Dictionnaire des termes du vieux françois. T. 1—2. Niort, 1882.

La chanson de la croisade contre les Albigeois / Par P. Meyer. T. I—II. Paris, 1875, 1879.

Pégot-Ogier E. Histoire des îles de La Manche. Paris, 1881.

Daele H. van. Petit Dictionnaire de l'Ancien français. Paris. 1940.

Salvian. De gubernatione Dei.

Бедье Ж. Роман о Тристане и Изольде. Ленинград., 1938.

Белинский В. ПСС в 13 томах. Т. X. М., 1956.

Бернарт де Вентадорн. Песни. М., 1979.

Гизо Ф. История цивилизации во Франции. Т. IV. 2006.

Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.

История Древней Греции. Под ред. В. Кузищина. М., 1986.

История Древнего Рима. Под ред. В. Кузищина. М., 1982.

История крестьянства в Европе. Т. II. М., 1986.

История Франции. Под ред. А. Манфреда. Т. I. М., 1972.

- История французской литературы. Т. I. М. — Л., 1946.
- Жизнеописания трубадуров. М., 1993.
- Кретьен де Труа*. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980.
- Михайлов А.* Французский рыцарский роман. М., 1976.
- Окассен и Николет. М., 1935.
- Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. М., 1970.
- Песнь об Альбигойском крестовом походе. М., 2010.
- Песнь о крестовом походе против альбигойцев. М., 2011.
- Печать и революция. 1923. № 6. (Периодика).
- Пти-Дютайи Ш.* Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII вв. М., 1938.
- Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1961.
- Салимбене де Адам.* Хроника. М., 2004.
- Сергиевский М.* История французского языка. М., 1938.
- Старофранцузские куртуазные поэмы XII-XIII вв. Спб., 2021.
- Тацит.* Анналы.
- Юлий Цезарь.* Записки о галльской войне.